

Вестник Донецкого национального университета



НАУЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
*Основан
в 1997 году*

Серия Е
**Юридические
науки**

3/2022

**Редакционная коллегия журнала «Вестник Донецкого национального
университета. Серия Е: Юридические науки»**

Главный редактор – д.ю.н., доцент, профессор, зав. кафедрой административного и финансового права **Е. М. Сынкова**.

Зам. главного редактора – к.ю.н., доцент **Н. В. Асеева**.

Ответственный секретарь – к.ю.н., доцент **Н. А. Тимошенко**.

Технический секретарь – специалист-редактор 1 категории **А. К. Ярошенко**.

Члены редколлегии: к.ю.н., доцент **Е. А. Матвиенко**; к.ю.н., доцент **Е. Ю. Краснонос**; к.ю.н., доцент **М. П. Тишак**; к.ю.н., доцент **О. В. Никольская**; к.ю.н., доцент **Л. Ю. Одегова**; к.ю.н., доцент **Е. Н. Дорошева**; к.ю.н., доцент **С. Н. Пашков**; к.ю.н., доцент **Е. В. Цыба**; к.ю.н., доцент **В. Н. Швайковская**; к.ю.н., доцент **Е. В. Горбатенко**; к.ю.н., доцент **А. В. Ефремова**; к.ю.н., доцент **Л. А. Семькина**; к.ю.н., доцент **Н. В. Семькин**; к.ю.н., доцент **О. А. Левендаренко**; к.ю.н., доцент **Э. Е. Манивлец**; к.ю.н., доцент **С. Н. Меркулов**; к.ю.н., доцент **Т. В. Тютюнник**; к.ю.н., доцент **Г. А. Хань**; к.ю.н., доцент **А. И. Журба**; д.ю.н. **С. В. Лихачев**; к.ю.н., доцент **Д. С. Каблов**; к.ю.н., доцент **И. К. Василенко**; к.ю.н., доцент **В. Ю. Поляков**; к.ю.н., доцент **Н. А. Бардашевич**; к.ю.н., доцент **Е. В. Кулакова**.

**The Editorial Board of the journal «Bulletin of Donetsk National University.
Series E: Legal science»**

Editor in Chief – Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Head. Department of Administrative and Financial Law **E. M. Synkova**.

Deputy Editor-in-Chief – Candidate of Laws, Associate Professor **N. V. Aseeva**.

Executive Secretary – Candidate of Laws, Associate Professor **N. A. Timoshenko**.

Technical Secretary – 1st category editor **A. K. Yaroshenko**.

Members of the editorial board: Ph.D., Associate Professor **E. A. Matvienko**; Candidate of Law, Associate Professor **E. Yu. Krasnonosov**; Candidate of Law, Associate Professor **M. P. Tishakov**; Candidate of Law, Associate Professor **O. V. Nikolskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **L. Yu. Odegova**; Candidate of Law, Associate Professor **E. N. Dorosheva**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Pashkov**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Tsyba**; Candidate of Law, Associate Professor **V.N. Shvaykovskaya**; Candidate of Law, Associate Professor **E.V. Gorbatenko**; Candidate of Law, Associate Professor **A.V. Efremova**; Candidate of Law, Associate Professor **L. A. Semykina**; Candidate of Law, Associate Professor **N. V. Semykin**; Candidate of Law, Associate Professor **O. A. Levendarenko**; Candidate of Law, Associate Professor **E. E. Manivlets**; Candidate of Law, Associate Professor **S.N. Merkulov**; Candidate of Law, Associate Professor **T. V. Tyutyunnik**; Candidate of Law, Associate Professor **G. A. Han**; Candidate of Law, Associate Professor **A.I. Zhurba**; Doctor of Law **S. V. Likhachev**; Candidate of Law, Associate Professor **D.S. Kablov**; Candidate of Law, Associate Professor **I. K. Vasilenko**; Candidate of Law, Associate Professor **V. Yu. Polyakov**; Candidate of Law, Associate Professor **N. A. Bardashevich**; Candidate of Law, Associate Professor **E. V. Kulakova**.

Адрес редакции: ГОУ ВПО «ДонНУ», ДНР, 283001, г. Донецк, ул. Университетская, 24

Тел.: +38(071) 36-707-35, +38(099)226-26-74 (Viber)

E-mail: jur.conf@donnu.ru; redact@donnu.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Журнал включен в национальную информационно-аналитическую систему **РИНЦ** (Лицензионный договор № 463-11/2019 от 14.11.2019 г.): https://www.elibrary.ru/title_about.asp?id=74221

*Печатается по решению Ученого совета ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
Протокол № 7 от 07.10.2022 г.*

Вестник Донецкого национального университета

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Серия Е: Юридические науки

№ 3/2022

СОДЕРЖАНИЕ

Асеева Н. В., Гокунь Ю. С.

Экстракорпоральное оплодотворение: правовые
и этические проблемы 3

Долинская В. В., Семёнова А. В.

Злоупотребление правом при регистрации товарного знака:
анализ практики Роспатента 11

Косач Н. Е.

Юридические аспекты реализации публичной власти 21

Матвиенко Е. А.

Права человека в контексте развития систем
искусственного интеллекта 30

Павленко П. И.

Проблемные аспекты деформации правового сознания:
историко-правовой анализ 37

Подляскин А. А.

Механизм административно-правового регулирования
оборота огнестрельного оружия и боеприпасов
на примере Донецкой Народной Республики
и Луганской Народной Республики 47

Сынкова Е. М.

О понятии и сущности деятельности органов
внутренних дел в сфере охраны общественного порядка 58

Финкина А. П., Бакуров А. В.

Особенности и перспективы использования электронной
подписи в договорных отношениях 68

Правила для авторов 78

Bulletin of Donetsk National University

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ОСНОВАН В 1997 ГОДУ

Series E: Legal sciences

№ 3/2022

CONTENTS

Aseeva N., Gokun Ju.

In vitro fertilization: legal and ethical problems 3

Dolinskaya V., Semyonova A.

Abuse of the right during trademark registration:
an analysis of Rospatent's practice 11

Kosach N.

Legal aspects of the implementation of public power 21

Matvienko E.

Human rights in the context of the development of artificial
intelligence systems 30

Pavlenko P.

Problematic aspects of the deformation of legal
consciousness: historical and legal analysis 37

Podlyaskin A.

The mechanism of administrative and legal regulation
of firearms and ammunition turnover on the example
of the Donetsk People's Republic and the
Luhansk People's Republic 47

Synkova E.

On the concept and essence of the activities of minor
affairs bodies in the field of protection of public order 58

Finkina A., Bakurov A.

Features and prospects of using an electronic signature
in contractual relations 68

Guidelines for authors 78

УДК 347.6

Асеева Н. В.
Гокунь Ю. С.

ЭКСТРАКОРПОРАЛЬНОЕ ОПЛОДОТВОРЕНИЕ: ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье изучены правовые и этические проблемы применения экстракорпорального оплодотворения. Определено, что ЭКО осуществляется на основании гражданско-правового договора, в качестве сторон которого выступает предоставляющая услуги репродуктивная клиника и женщина-пациент, т.е. получатель услуг. В процессе написания научной статьи автор приходит к выводу о том, что несмотря на существующие этико-правовые проблемы в сфере осуществления экстракорпорального оплодотворения, из всего спектра вспомогательных репродуктивных технологий зачастую обращение происходит именно к нему.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии, экстракорпоральное оплодотворение, проблемы применения, право, этика.

Вспомогательные репродуктивные технологии признаются важнейшим достижением медицины и позволяют ежегодно тысячам детей по всему миру появляться на свет, предоставляя их родителям шанс иметь полноценную семью.

Методы вспомогательных репродуктивных технологий прочно вошли в клиническую практику. Основой для развития вспомогательных репродуктивных технологий стал классический метод экстракорпорального оплодотворения (далее – ЭКО). В мировой практике ЭКО используется с 1978 г., т.е. с момента рождения в Великобритании Луизы Браун, ставшей первым в истории человеком «из пробирки».

Экстракорпоральное оплодотворение следует признать одной из наиболее часто применяемых вспомогательных репродуктивных технологий. Так, доля женщин, вставших на учет по беременности после

ЭКО, в целом по Российской Федерации составила 31,92 % [1]. За 9 месяцев 2022 года было проведено 62,5 тыс. процедур ЭКО, а на 2023 год запланировано свыше 89,5 тыс., что превышает на 18 % показатели 2022 года [2].

Активное использование ЭКО в медицине привело к возникновению юридических и этико-социальных проблем. Исследования, касающиеся экстракорпорального оплодотворения, расширились, чтобы охватить юридические и этические аспекты ЭКО, однако, их все еще недостаточно. Изучению проблем в сфере осуществления ЭКО и посвящена данная статья.

Экстракорпоральное оплодотворение представляет собой процесс оплодотворения, при котором яйцеклетка соединяется с семенем *in vitro* («в стекле»). Показаниями для проведения программы ЭКО и переноса криоконсервированных эмбрионов являются:

1) неэффективность лечения бесплодия в течение 12 месяцев при возрасте женщины до 35 лет или в течение 6 месяцев при возрасте женщины 35 лет и старше;

2) состояния, при которых эффективность лечения бесплодия при применении программы ЭКО выше, чем при применении других методов;

3) наследственные заболевания, для предупреждения которых необходимо преимплантационное генетическое тестирование, независимо от статуса фертильности;

4) сексуальная дисфункция, препятствующая выполнению полового акта (при неэффективности искусственной инсеминации);

5) ВИЧ-инфекция у дискордантных партнеров, независимо от статуса фертильности [3].

Процесс проведения данного метода вспомогательных репродуктивных технологий включает в себя мониторинг и стимуляцию овуляторного процесса женщины, удаление яйцеклетки из ее яичников и оплодотворение их сперматозоидами в специальной среде в лаборатории. После того, как оплодотворенная яйцеклетка подвергается культивированию эмбриона в течение 2-6 дней, ее переносят с помощью катетера в матку с целью установления успешной беременности.

ЭКО осуществляется на основании гражданско-правового договора, в качестве сторон которого выступает предоставляющая услуги репродуктивная клиника и женщина-пациент, т.е. получатель услуг. В качестве существенных условий рассматриваемого контракта

необходимо обозначить предмет договора, цену предоставляемых услуг и условия о судьбе криоконсервированных эмбрионов.

Дискуссионным признается вопрос о предмете договора ЭКО. Обратим внимание на то, что предмет договора составляет совокупность медицинских и немедицинских услуг по лечению бесплодия. Предметом договора не может являться эмбрион и сам ребенок, родившийся в случае благополучного проведения процедуры, протекания беременности родов. Наличие материального результата противоречит самой сущности ЭКО как услуги, т.к. любая услуга - это деятельность по своей сути, результаты которой не могут иметь материального выражения, поскольку они реализуются и потребляются при осуществлении этой деятельности.

Вторым существенным условием договора является его цена. Цена договора представляет собой стоимостное выражение предоставляемого комплекса медицинских и немедицинских услуг.

Этические проблемы осуществления ЭКО связаны с:

- 1) Состоянием здоровья детей, рожденных по этим методикам;
- 2) Состоянием здоровья женщин, обратившихся к применению ВРТ;
- 3) Определением судьбы замороженных человеческих эмбрионов, оставшихся после проведения ЭКО;
- 4) Отбором эмбрионов, который проводится с помощью преимплантационной генетической диагностики (далее – ПГД) для переноса только самых здоровых эмбрионов.

Дети, рожденные с помощью ЭКО, имеют более высокий процент неблагоприятных медицинских последствий, чем дети, зачатые естественным путем [4, с. 1225–1232]. Эти дети имеют более высокие показатели недоношенности и низкой массы тела при рождении, а также повышенный риск врожденных дефектов, особенно пороков развития сердца и хромосомных аномалий. В дополнение к упомянутым выше нарушениям у детей, рожденных с помощью ЭКО, также может наблюдаться наличие заболеваний, таких как: нарушение психомоторного развития, детский церебральный паралич, аутизм и астма.

ЭКО обычно считается безопасным методом лечения, но существуют некоторые риски, связанные с его применением. Поскольку ЭКО является способом лечения заболевания, а именно бесплодия, оно имеет небольшую вероятность побочных эффектов. Наиболее серьезным из них может быть синдром гиперстимуляции яичников. Это вызвано

тем, что в яичниках развивается слишком много яйцеклеток. ЭКО также может привести к многоплодной беременности, поскольку в матку возвращают более одного эмбриона. Согласно отчету, около 30 % ЭКО может привести к многоплодной беременности. ЭКО также имеет более высокий шанс вызвать внематочную беременность.

Большинство неблагоприятных медицинских последствий, возникающих у женщин, обратившихся к ЭКО, связаны с большим числом многоплодных беременностей. Одновременно с этим, акушерские проблемы чаще встречаются при многоплодной, чем при одноплодной беременности. Тем не менее, даже одноплодная беременность, зачатая с помощью вспомогательных репродуктивных технологий, в частности, ЭКО, представляет более высокий риск возникновения у матерей неблагоприятных последствий, таких как дородовое кровотечение, артериальная гипертензия во время беременности, преждевременное излитие плодных оболочек либо гестационный диабет, чем одноплодная беременность, зачатая естественным путем [5, с. 187–194].

В целях улучшения эффективности ЭКО обычно создают большое количество эмбрионов, от 10 до 12, из которых 1 либо 2 переносятся. Оставшиеся эмбрионы замораживаются. Эта практика означает, что количество замороженных (криоконсервированных) человеческих эмбрионов постепенно увеличивается. В связи с этим возникает вопрос о судьбе криоконсервированных эмбрионов, что влечет за собой возникновение биоэтических проблем. Полагаем, есть четыре решения для этих эмбрионов:

- 1) оставить их замороженными на неопределенный срок;
- 2) использовать их для биомедицинских экспериментов;
- 3) разрешить использовать их в репродуктивных программах лиц, не являющихся их генетическими родителями, так называемая донация эмбрионов;
- 4) утилизировать.

Оставление эмбрионов замороженными на неопределенный срок предполагает их возможное дальнейшее использование генетической матерью и пересадку в ее организм либо в организм суррогатной матери в целях наступления беременности, вынашивания и рождения ребенка.

Эмбрионы представляют невероятно большой интерес для учёных, т.к. на ранних этапах развития зародыша клетки его тела ещё

недифференцированы. Следовательно, они могут превратиться в клетки любой ткани организма. Данные клетки называют стволовыми, и, хотя они встречаются даже во взрослом организме, эмбриональные стволовые клетки представляют наибольшую научную ценность. Использование эмбрионов для биомедицинских экспериментов является одним из наиболее дискуссионных вопросов отечественной биоэтики и права и нуждается в самостоятельном исследовании и отдельной работе.

Человеческая жизнь есть абсолютная ценность, неизмеримая и как таковая несопоставимая ни с какой другой. На наш взгляд, разрешить использовать эмбрионы в репродуктивных программах лиц, не являющихся их генетическими родителями, правильно, поскольку это может помочь другим людям, страдающим генетическими заболеваниями и нежелающим по этой причине создавать эмбрионов из своих половых клеток, реализовать право на семью и дать им возможность завести ребенка. Кроме того, донированные эмбрионы могут быть использованы и в программе суррогатного материнства. Для донации эмбрионов обязательно нужно письменное разрешение женщины, проходившей программу ЭКО.

Донация представляется гуманной по отношению как к самим эмбрионам, как к человеческим зародышам, так и к описанным лицам с генетическими заболеваниями. Донация эмбрионов считается положительным решением для них, поскольку, если эмбрионы не используются родителями в репродуктивных целях, их донация этически более оправдана, чем любая другая судьба, которая может быть им уготована.

Проведение медицинских процедур, направленных на наступление беременности и рождение ребенка, является, лучшим решением, т.к. их цель состоит в том, чтобы помочь построить семьи, т.е. помочь бесплодным парам завести ребенка, а также защитить основное благо эмбриона, его жизнь.

Следовательно, многие исследователи и медицинские учреждения видят в донации замороженных эмбрионов альтернативу их судьбе, которая с этической точки зрения лучше, чем их использование для биомедицинских экспериментов либо утилизация.

Утилизацию эмбрионов осуществляет клиника, в которой проводилось ЭКО. Утилизация эмбрионов означает их разморозку с последующей гибелью и уничтожением как медицинских отходов. Это

неправильно с точки зрения морали, однако позволительно с позиции действующего законодательства.

Для проведения утилизации эмбрионов врачам необходимо получить письменное разрешение от женщины-пациентки. До его этого эмбрионы будут храниться при очень низких температурах. Если в течение нескольких месяцев пациентка не выходит на связь, репродуктивная клиника связывается с ней либо хотя бы предпринимает попытки, направленные на это. По истечении прописанного в договоре срока медицинские работники получают право на использование криоконсервированных эмбрионов по своему усмотрению, т.е. на утилизацию, использование в качестве донорских, передать для проведения медицинских исследований. Само условие о судьбе криоконсервированных эмбрионов возможно рассматривать в качестве существенного условия, т.к. оно прописывается в подавляющем большинстве договоров ЭКО. Данное условие обговаривается пациенткой и репродуктивной клиникой предварительно и при изменении решения пациентки может быть изменено и изложено в дополнительном соглашении.

Преимплантационная генетическая диагностика (далее - ПГД) существует в форме лабораторного метода, предназначенного для генетического исследования эмбрионов перед их переносом и, следовательно, перед имплантацией в матку. Целью этой процедуры является определение того, имеют ли эмбрионы генетическую или хромосомную аномалию либо являются ли они носителями генетического фактора риска заболевания, особенно в тех парах, в которых хотя бы один из партнеров представляет высокий риск развития генетическое состояние, которое они могли бы передать своему потомству.

С этической точки зрения такую диагностику возможно рассматривать как принятие медицинскими работниками решения о том, какие эмбрионы могут и достойны жить, а какие нет. С медицинской точки зрения проведение ПГД вполне обоснованно признается правильным, т.к. от этого зависит состояние здоровья будущего поколения.

ПГД в настоящее время все чаще используется для предотвращения заболеваний, которые могут появиться во взрослом возрасте. В целом можно сказать, что ПГД используется при ЭКО для повышения его эффективности.

Таким образом, несмотря на вышеизложенные этико-правовые проблемы в сфере осуществления экстракорпорального оплодотворения, из всех существующих вспомогательных репродуктивных технологий зачастую обращение происходит именно к нему. Это указывает на минимальный страх либо отсутствие такового перед проведением данной сложной с медицинской точки зрения процедуры, а также на готовность женщин принимать участие в её программах, что, несомненно, оценивается положительно.

Список источников

1. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Анализ эффективности расходования средств обязательного медицинского страхования в 2019 году и истекшем периоде 2020 года при проведении процедуры экстракорпорального оплодотворения» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/9b0/9b06bc06ddedb49a807822ad7cd21621.pdf> (дата обращения: 18.09.2022).
2. ЭКО (Экстракорпоральное оплодотворение) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [https://zdrav.expert/ndex.php%D0D0%B5_\)#.2A_.9E](https://zdrav.expert/ndex.php%D0D0%B5_)#.2A_.9E) (дата обращения: 18.09.2022).
3. О порядке использования вспомогательных репродуктивных технологий, противопоказаниях и ограничениях к их применению: Приказ Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 803н [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74676088/> (дата обращения: 18.12.2022).
4. Goisis, A. Medically assisted reproduction and birth outcomes: A within-family analysis using Finnish population registers / A. Goisis, H. Remes, P. Martikainen, R. Klemetti, M. Myrskyl? // Lancet. – 2019. – № 393. – P. 1225–1232.
5. Aznar, J. Valoracion de la adopcion de embriones humanos congelados desde el punto de vista de la filosof?a moral, la etica laica y dos religiones monoteistas / J. Aznar, M. Martinez, P. Navarro. – № 22(2). – P. 187–194.

IN VITRO FERTILIZATION: LEGAL AND ETHICAL PROBLEMS

This article examines the legal and ethical problems of in vitro fertilization. service recipient. In the process of writing a scientific article, the author comes to the conclusion that despite the existing ethical and legal problems in the field of in vitro fertilization, it is often referred to from the entire spectrum of assisted reproductive technologies.

Keywords: assisted reproductive technologies, in vitro fertilization, problems of application, law, ethics.

Асеева Наталия Васильевна

кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского
права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: n.aseeva@donnu.ru

Aseeva Natalia

Ph.D, Associate Professor of the
department civil law and process
of Donetsk National University
DPR, Donetsk
Email: n.aseeva@donnu.ru

Гокунь Юлия Сергеевна

студентка 1 курса магистратуры
юридического факультета
ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: yulya.gokun@mail.ru

Gokun Julia

Student Faculty of Law of
Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: yulya.gokun@mail.ru

УДК 347.772

Долинская В. В.
Семёнова А. В.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ПРАВОМ ПРИ РЕГИСТРАЦИИ ТОВАРНОГО ЗНАКА: АНАЛИЗ ПРАКТИКИ РОСПАТЕНТА

Рассмотрен частный случай злоупотребления правом в сфере интеллектуальной собственности. На основе анализа практики Роспатента выявлены и систематизированы элементы юридического состава «аннулирования» регистрации товарного знака на основании злоупотребления правом. Сопоставлена компетенция Роспатента и судов по этой категории дел.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; исключительное право; злоупотребление правом на товарный знак; оспаривание регистрации товарного знака; товарный знак.

Осуществление субъективных прав, их защита и охрана обладают спецификой, в том числе в зависимости от подотрасли гражданского права.

В сфере интеллектуальной собственности, в связи с выявленной нами на основе анализа статистики Роспатента роста поступления заявок, поданных на государственную регистрацию товарных знаков [1], в настоящее время интерес представляет злоупотребление правом при регистрации товарных знаков. Лица регистрируют товарные знаки не для получения правовой охраны индивидуализирующих обозначений, а для заведомо недобросовестного осуществления права с целью причинения вреда другому лицу, блокирования использования добросовестным лицом индивидуализирующих обозначений.

Исследование проведено на основе классических работ по осуществлению и защите субъективных прав (В. П. Грибанов [2], С. Н. Братусь [3]), по праву интеллектуальной собственности (В. А. Дозорцев [4], И. А. Зенин [5]), современных работ по этим темам

(В. В. Долинская [6], Л. А. Новосёлова [7]), а также публикаций по товарным знакам (А. С. Ворожечин [8]).

Целью статьи является выявление модели злоупотребления правом при регистрации товарного знака. Для её достижения поставлены и решены задачи:

- анализ практики Роспатента по злоупотреблению правом,
- установление юридического состава для «аннулирования» регистрации товарного знака недобросовестного лица на основании злоупотребления правом,
- сопоставление компетенции Роспатента и арбитражных судов по этой категории дел.

В результате анализа практики Роспатента выявлена распространенная модель злоупотребления правом: недобросовестные лица регистрируют товарные знаки сходные до степени смешения с индивидуализирующими обозначениями других лиц, которые активно используются, но ещё не зарегистрированы. Впоследствии такие недобросовестные лица предъявляют иски о взыскании компенсации за неправомерное использование обозначения и о прекращении использования обозначения к добросовестным лицам.

Законом установлены последствия такого недобросовестного поведения. Согласно общему правилу, закреплённому в п. 2 ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) злоупотребление правом является основанием для отказа в защите исключительного права. В соответствии с пп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ злоупотребление правом является самостоятельным основанием для оспаривания и признания недействительным предоставления правовой охраны товарному знаку. Из этого следует, что заинтересованное лицо может оспорить регистрацию товарного знака недобросовестным лицом, само зарегистрировать спорное обозначение и стать его правообладателем.

Защита гражданских прав, а именно оспаривание, происходит в административном порядке. Согласно п. 3.2.15 Приказа Минобрнауки и Минэкономразвития Российской Федерации от 30.04.2020 г. № 644/261 «Об утверждении правил рассмотрения и разрешения федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности споров в административном порядке» [9], заинтересованное лицо вправе подать возражение в Роспатент против предоставления правовой охраны товарному знаку, если действия

правообладателя, связанные с предоставлением правовой охраны товарному знаку, признаны в установленном законодательством Российской Федерации порядке злоупотреблением правом либо недобросовестной конкуренцией.

По результатам рассмотрения принимается решение об:

- удовлетворении возражения и признании предоставления правовой охраны товарному знаку недействительным полностью или частично;

- отказе в удовлетворении возражения и оставлении в силе правовой охраны товарного знака.

В период с 2018 по 2023 г. Роспатент принял 23 решения по оспариванию на основании злоупотребления правом, из них в 13 решениях Роспатент удовлетворил возражение; в 10 решениях Роспатент отказал в удовлетворении.

На основе анализа практики Роспатента делаем вывод о том, что для удовлетворения возражения необходимо наличие совокупности следующих элементов: юридический факт (решение суда, которым действия правообладателя признаны злоупотреблением правом); заинтересованность лица, оспаривающего регистрацию; действия по злоупотреблению правом должны происходить именно на стадии регистрации, а не использования.

1. Наличие юридического факта – судебного решения, установившего гражданские права и обязанности (пп. 3 п. 1 ст. 8 ГК РФ).

В рамках первого элемента необходимо установить соотношение компетенций Роспатента и арбитражных судов. Оспаривание регистрации на основании злоупотребления правом происходит в Роспатенте, но квалифицировать действия правообладателя по приобретению исключительного права на товарный знак как злоупотребление правом может только суд. Если заявитель обратится с возражением в Роспатент без решения суда, в котором действия правообладателя признаны злоупотреблением правом, то Роспатент откажет в удовлетворении возражения, так как отсутствует юридический факт.

Например, в решении Роспатента от 21.04.2023 г. № 2023В00307 по результатам рассмотрения возражения против предоставления правовой охраны товарному знаку по свидетельству № 302687 «ШКОЛЬНЫЕ» коллегия отказала в удовлетворении возражения, т. к. заявитель не предоставил решение уполномоченного органа (суда),

которым установлено злоупотребление правом правообладателем при приобретении исключительного права на оспариваемый товарный знак, а «...оценка обстоятельств, связанных со злоупотреблением правом, не относится к компетенции Роспатента» [10].

Интерес также представляет решение Роспатента от 22.07.2021 г. № 2021В01009 [11]. Постановлением Третьего арбитражного апелляционного суда от 25.02.2020 г. по делу № А33-2334/2018 действия ИП Алтабаева В. П. были расценены как злоупотребление правом [12]. На основании этого заявитель ИП Шунков А. К. обратился в Роспатент с возражением. Но впоследствии Суд по интеллектуальным правам отменил апелляционное Постановление и отправил дело на новое рассмотрение. Роспатент справедливо решил, что отмена постановления влечет вывод об отсутствии признанного в установленном порядке факта признания действий ИП Алтабаева В. П. злоупотреблением правом на дату подачи возражения и отказал в удовлетворении возражения.

В решении Роспатента от 16.05.2019 г. № 2019В00372 [13]. Коллегия полагала, что товарный знак заявителя схож до степени смешения с оспариваемым товарным знаком правообладателя и указала на данный факт в заключении. Но данный факт не является юридическим, так как признание действий злоупотреблением правом находится в компетенции суда, а не Роспатента. На основании отсутствия юридического факта – не было решения уполномоченного органа – коллегия отказала в удовлетворении возражения. Как метко выразилась А. С. Ворожечич: «На Роспатент должна возлагаться в таком случае техническая функция – аннулирование регистрации товарного знака во исполнение решения суда» [8, с. 29].

Итак, именно решение суда, в котором действия правообладателя признаны злоупотреблением правом, является основанием для оспаривания предоставления правовой охраны товарного знака. Это подтверждается, например, п. 170 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» [14].

Защита заявителя усложняется тем, что законодательством не предусмотрена возможность предъявления самостоятельного судебного требования о признании действий правообладателя злоупотреблением правом. Оно может быть установлено судом при рассмотрении иного дела [14]. Как указано в решении Роспатента от

27.11.2020 г. № 2020В03415 «... установленные судами факты имеют преюдициальное значение и не подлежат повторному исследованию коллегией» [15].

В некоторых случаях суды могут по каким-либо причинам высказываться неоднозначно. Тогда Роспатент также может отказать в удовлетворении возражения, так как не в компетенции Роспатента устанавливать и конкретизировать юридические факты. Например, в решении Роспатента от 21.04.23 г. № 2022В03294 Роспатент отказал в удовлетворении возражения заявителя АО «Жировой комбинат», так как в тексте судебных решений по делу № А60-59473/2020 «напрямую не указывается, что регистрация и использование товарного знака по свидетельству № 849578 является злоупотреблением правом», а именно нет указания на номер спорного знака и нет мотивированного заключения относительно действий ответчика [16].

2. Злоупотребление правом должно происходить на стадии приобретения товарного знака, а не его использования.

По второму элементу отметим, что злоупотребление правом может нарушать субъективное право другого лица и на стадии приобретения права, и на стадии его использования. Между тем, есть важное отличие: принадлежит ли право нарушающей стороне и, если не принадлежит, то с какой целью приобретается? Так при злоупотреблении правом на стадии приобретения лицо, приобретающее право, самим правом пока не обладает и приобретает его уже с целью нарушения прав другого лица, запрещения использования добросовестным лицом обозначения, получения необоснованной выгоды в виде компенсации. При злоупотреблении на стадии использования само приобретение могло быть добросовестным, но лицо, уже обладая правом, выходит за пределы его осуществления и нарушает границы субъективного права другого лица.

Для оспаривания предоставления правовой охраны товарному знаку необходимо, чтобы злоупотребление происходило именно на стадии приобретения. По нашему мнению, такие действия недобросовестного приобретателя можно отнести к особому виду злоупотребления правом – шикана, «осуществление права с исключительной целью причинить вред другому лицу» [17, с. 714]. Недобросовестный приобретатель заранее преследует цель получить необоснованное обогащение с добросовестного лица в виде компенсации.

Так, например, в Определении Верховного Суда РФ от 19.04.2023 г. по делу № 309-ЭС22-4430 установлено наличие признаков злоупотребления правом в действиях ИП Ибатуллина, связанных с использованием и защитой исключительных прав на спорный знак обслуживания [18].

Ответчик по данному делу ООО «НМЗ» подал возражение в Роспатент о предоставлении правовой охраны ИП Ибатуллину на спорный знак обслуживания. Между тем, злоупотребление отсутствовало при регистрации товарного знака и происходит именно при использовании, поэтому Роспатент в решении от 28.09.2022 г. № 2022В01314 указал, что «в такой ситуации не соответствует существу отношений прекращение правовой охраны товарного знака «в прошлое» – до возникновения недобросовестности» [19] и отказал в удовлетворении возражения.

Представляет интерес также решение Роспатента от 27.12.2019 г. № 2019В02325. Судом действия ООО «Холдинговой компании» по подаче возражений против предоставления правовой охраны товарным знакам были признаны злоупотреблением правом. В дальнейшем ООО «Вичюнай-Русь» – лицо, которому ООО «Холдинговая компания» мешала получить правовую охрану товарным знакам, обратилось в Роспатент, чтобы признать предоставление правовой охраны сходным спорным товарным знакам ООО «Холдинговой компании» недействительной на основании злоупотребления правом со стороны правообладателя. Но Роспатент отказал в удовлетворении возражений, указав что: «...сам по себе факт злоупотребления правообладателем при подаче возражений против предоставления правовой охраны товарных знаков по свидетельствам № 643621 и № 620976 не является основанием для оспаривания предоставления правовой охраны товарному знаку по свидетельству Российской Федерации № 599022» [20].

3. Лицо, подавшее возражение, должно являться заинтересованным лицом. В соответствии с п. 2 ст. 1513, пп. 6 п. 2 ст. 1512 ГК РФ возражение против предоставления правовой охраны товарному знаку на основании злоупотребления правом подается заинтересованным лицом.

Действительно, заинтересованное лицо должно обладать частным интересом в защите своего права. Как отмечал В. П. Грибанов: «От интереса управомоченного лица в значительной мере зависит и защита

субъективного права, в частности, обращение или необращение гражданина с требованием защиты права к соответствующему государственному или общественному органу...» [2, с. 243].

Исходя из анализа практики Роспатента, наличие заинтересованности обычно подтверждается тем, что между заявителем и правообладателем был рассмотрен судебный спор (например, на это ссылается Роспатент в решении от 06.04.2020 г. № 2019В03175 [21]).

В связи с этим представляет интерес решение Роспатента от 12.03.2020 г. № 2019В02380 [22]. Заявитель ООО «Фазтон-топливная сеть номер 1» обратился в Роспатент с возражением о предоставлении правовой охраны товарному знаку по свидетельству № 293888 на основании злоупотреблении правом со стороны правообладателя.

Ранее суды в решениях по делу № А56-99346/2017 уже признали действия правообладателя ООО «Стройключ-4» по приобретению прав на товарный знак по свидетельству № 293888 злоупотреблением правом и недобросовестной конкуренцией. Тем не менее, Роспатент указал, что заявитель ООО «Фазтон-топливная сеть номер 1» не является заинтересованным лицом, так как его хозяйственная деятельность не однородна услугам, для которых зарегистрирован товарный знак по свидетельству № 293888 правообладателя. В удовлетворении возражения было отказано.

Итак, в данной категории споров важно установить заинтересованность заявителя. Если хозяйственная деятельность заявителя не однородна услугам, для которых зарегистрирован товарный знак правообладателя, то частные интересы заявителя и недобросовестного лица не пересекаются, они не являются конкурентами на одном рынке товаров или услуг. На основании отсутствия заинтересованности Роспатент откажет в удовлетворении возражения, даже если злоупотребление правом было признано судом.

Таким образом, исходя из анализа практики Роспатента, для того чтобы Роспатент удовлетворил возражение необходимо соблюдение следующих элементов: наличие юридического факта, а именно решения суда, которым установлено злоупотребление правом; лицо, подавшее возражение, должно являться заинтересованным лицом; злоупотребление правом должно происходить именно на стадии регистрации, а не использования.

Список источников

1. Роспатент в цифрах и фактах 2022: ежегодное официальное издание / Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент); под общ. ред. Г. П. Ивлиева. – Москва: ФИПС, 2023. – 320 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/otchet-2022-ru.pdf>; Роспатент в цифрах и фактах 2021: ежегодное официальное издание / Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент); под общ. ред. Г. П. Ивлиева. – Москва: ФИПС, 2022. – 188 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://rospatent.gov.ru/content/uploadfiles/otchet-2021-ru.pdf>.
2. Грибанов, В. П. Осуществление и защита гражданских прав / В. П. Грибанов. – 2-е изд. – Москва: Статут, 2020. – 414 с.
3. Братусь, С. Н. О пределах осуществления гражданских прав (ст. 5 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик) / С. Н. Братусь // Правоведение. – Ленинград: Изд-во Ленингр. ун-та, 1967. – № 3. – С. 79–86.
4. Дозорцев, В. А. Интеллектуальные права: Понятие. Система. Задачи кодификации: сборник статей / В. А. Дозорцев; исслед. центр частного права им. С. С. Алексеева при Президенте РФ. – 2-е изд. – Москва: Статут, 2022. – 416 с.
5. Зенин, И. А. Проблемы российского права интеллектуальной собственности (избранные труды): Сборник научных трудов / И. А. Зенин. – Москва: Статут, 2015. – 525 с.
6. Развитие частного права на современном этапе: памяти В. П. Грибанова: монография / отв. ред. В. В. Долинская. – Москва: Проспект, 2022. – 448 с.
7. Право интеллектуальной собственности. Т. 3. Средства индивидуализации: учебник / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. – Москва: Статут, 2018. – 432 с.
8. Ворожевич, А. С. Злоупотребление правом на регистрацию товарного знака / А. С. Ворожевич // Законодательство. – 2015. – № 8. – С. 22–32.
9. Правила рассмотрения и разрешения федеральным органом исполнительной власти по интеллектуальной собственности споров в административном порядке: утв. приказом Минобрнауки РФ, Минэкономразвития РФ от 30.04.2020 № 644/261 [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202008260011>.
10. Решение Роспатента от 21.04.2023 г. № 2023B00307 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www1.fips.ru/ofpstorage/Doc/PPS/2023/22.04.2023/2023B00307.pdf>
11. Решение Роспатента от 22.07.2021 г. № 2021B01009 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www1.fips.ru/ofpstorage/Doc/PPS/2021/23.07.2021/2021B01009.pdf>
12. Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 25.02.2020 г. по делу № А33-2334/2018 [Электронный ресурс]. – URL: <https://>

/kad.arbitr.ru/Document/Pdf/6faa7c94-92b4-40d5-891a-45ad3dbb35e9/0d866d18-6d6f-4371-86a1-5935f2905e62/A33-2334-2018_20200225_Postanovlenie_apelljacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True

13. Решение Роспатента от 16.05.2019 г. № 2019B00372 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www1.fips.ru/ofpstorage/Doc/PPS/2019/17.05.2019/2019B00372.pdf>

14. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2019. - № 7.

15. Решение Роспатента от 27.11.2020 г. № 2020B03415 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www1.fips.ru/ofpstorage/Doc/PPS/2020/28.11.2020/2020B03415.pdf>

16. Решение Роспатента от 21.04.23 г. № 2022B03294 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www1.fips.ru/ofpstorage/Doc/PPS/2023/22.04.2023/2022B03294.pdf>

17. Основные положения гражданского права: постатейный комментарий к статьям 1-16.1 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. – Москва: Статут, 2020. – 1469 с.

18. Определение Верховного Суда РФ от 19.04.2023 г. по делу № 309-ЭС22-4430 [Электронный ресурс]. – URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/4912dca3-749c-4096-8e6a-2430b1d5fbfc/d3bea2f6-1769-430b-bf78-4410b0671389/A07-758-2020_20220419_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True

19. Решение Роспатента от 28.09.2022 г. № 2022B01314 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www1.fips.ru/ofpstorage/Doc/PPS/2022/29.09.2022/2022B01314.pdf>

20. Решение Роспатента от 27.12.2019 г. № 2019B02325 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www1.fips.ru/ofpstorage/Doc/PPS/2019/28.12.2019/2019B02325.pdf>

21. Решение Роспатента от 06.04.2020 г. № 2019B03175 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www1.fips.ru/ofpstorage/Doc/PPS/2020/07.04.2020/2019B03175.pdf>

22. Решение Роспатента от 12.03.2020 г. № 2019B02380 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www1.fips.ru/ofpstorage/Doc/PPS/2020/13.03.2020/2019B02380.pdf>

ABUSE OF THE RIGHT DURING TRADEMARK REGISTRATION: AN ANALYSIS OF ROSPATENT'S PRACTICE

This work considers a special case of abuse of law in the field of intellectual property. Based on the analysis of Rospatent's practice, the elements of the legal composition of the «cancellation» of trademark registration on

the basis of abuse of law have been identified and systematized. The competence of Rospatent and the courts in this category of cases is compared.

Keywords: intellectual property; exclusive right; abuse of trademark rights; challenging trademark registration; trademark.

**Долинская Владимира
Владимировна**

доктор юридических наук,
профессор, профессор кафедры
гражданского права ФГАОУ ВО
«Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Россия, Москва
E-mail: civil-VVD@yandex.ru

Dolinskaya Vladimira

Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of
Civil Law of Kutafin Moscow
State Law University (MSAL)
Russia, Moscow
E-mail: civil-VVD@yandex.ru

**Семёнова Анастасия
Вячеславовна**

магистрант ФГАОУ ВО
«Московский государственный
юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Россия, Москва
E-mail: Anastasiia.v.semenova@mail.ru

Semyonova Anastasia

Graduate student of Kutafin
Moscow State Law University
(MSAL)
Russia, Moscow
E-mail:
Anastasiia.v.semenova@mail.ru

УДК 340.1

Косач Н. Е.

ЮРИДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ

В статье рассматривается процесс реализации публичной власти в публичном управлении, а также характер правоотношений, в которых реализуются властные полномочия субъекта публичной власти. Обосновывается необходимость рассмотрения всех споров с участием субъекта публичной власти в специальном судебном порядке.

Ключевые слова: публичная власть, публичное управление, государство, субъект публичной власти, публичные правоотношения.

Существование власти в обществе связано с объективной необходимостью в регулировании социальных отношений. Для функционирования общества как целостной системы не достаточно только суммы частных интересов. Особую группу интересов формируют порождаемые обществом коллективные потребности. Такие потребности могут быть реализованы только публичной властью.

Реализуется публичная власть в процессе публичного управления. Субъекты публичной власти осуществляют управленческое воздействие, основанное на полной, частичной или косвенной подчиненности, подконтрольности, подотчетности участников общественных отношений представителям власти. Этим определяются особенности правового статуса субъектов публичной власти. Однако следует отметить, что в научных исследованиях уделяется недостаточно внимания особенностям правового статуса субъекта публичной власти как субъекта публичного управления. В юридической науке в должной мере не учитываются положения теории управления. Часто авторы пытаются определить и обосновать то, что в теории управления уже определено и обосновано. Всё это мешает терминологическому единству. Теория управления дает основания считать, что процесс управления любого вида имеет единый

алгоритм. Это необходимо учитывать при юридической характеристике публичного управления и его субъектов, а также при определении роли права в процессе публичного управления.

Особенности правового статуса субъекта публичной власти проявляются, в частности, в том, что конкретное дело, стороной которого он выступает должно рассматриваться в специальном судебном порядке.

Целью статьи является обоснование тезиса о том, что все дела с участием субъекта публичной власти должны рассматриваться в порядке административного судопроизводства.

В научных исследованиях в целом существует диспропорция между глубиной осмысления и широтой употребления понятия «публичная власть». Это происходит вследствие разрозненности методологических и концептуальных подходов при исследовании самого явления власти [1, с. 15]. Исследуются отдельные виды и формы публичной власти. Труды западных исследователей власти анализируются в работах, которые, в основном, носят политологический характер. Наблюдается разобщенность исследований власти в рамках политических и юридических наук.

Ряд авторов исследовали общетеоретические и политико-правовые аспекты организации и функционирования публичной власти. В исследовании А. А. Югова, освещаются конституционно-правовые аспекты ее организации и деятельности [2].

В работе В.Е.Чиркина рассматриваются теоретические аспекты происхождения и природы, организации и реализации публичной власти, ее виды на разных уровнях общества [3]. Публичная власть исследована в качестве комплексного социального института на основе междисциплинарного синтеза политологии и теории государства и права в работе В. В. Рачинского [4].

Е. О. Старостин рассматривает соотношение категорий «публичная власть» и «государственная власть», исследуя правовые формы осуществления государственной власти [5].

П. А. Минаков осуществил комплексное политико-правовое исследование публичной власти [6].

В. В. Рачинский определяя публичную власть, как институционализированную легальную социальную власть, выделяет характеризующие черты: реализация выраженных общественных интересов, организация по принципу территориальности, нацеленность на сохранение

и развитие территориального сообщества как целостной системы на основе доминирующего в нем мировоззрения, а также безличность, комплексность осуществляемой деятельности, универсальность, монополизм в нормотворчестве, арбитражное [4, с. 3, 13].

Несмотря на некоторые различия в трактовках видов публичной власти и ее субъектов, есть общее понимание, что государственная и муниципальная власть – это разновидности публичной власти. К субъектам публичной власти (наряду с другими), относят государство и его органы, муниципальные образования и органы местного самоуправления, территориальные коллективы граждан (или территориальный публичный коллектив). Народ в качестве субъекта конкретного вида власти рассматривается в той его части, которая выступает участником такого властеотношения [5, с. 14].

Конституция любого государства закрепляет определенное соотношение сил в обществе путем регулирования отношений, возникающих по поводу организации и осуществления власти. В зависимости от национальных, исторических и иных условий закрепление места и роли народа в системе властвования может отличаться, но данная сфера отношений всегда является объектом конституционного регулирования.

Народный характер власти подчеркивается в большинстве существующих конституций, отмечающих, что именно население страны (народ) является источником власти, субъектом, от которого исходит власть и который дает возможность государству осуществлять управление обществом.

Регулирование конституционными нормами организации и осуществления публичной власти как власти народа было призвано сформировать систему власти и обозначить пределы ее осуществления на различных территориальных уровнях. Само определение публичной власти как конституционной категории предполагает понимание ее не только как научно-теоретической категории, но и как категории действующего права.

Публичная власть реализуется в процессе осуществления публичного управления. Публичное управление является деятельностью органов публичной власти, выражающейся в организационно-правовом воздействии на сферы общественной жизни, потребность функционирования и развития которых, требуют определенного вмешательства публичной власти для обеспечения публичного интереса.

Предполагается, что для реализации публичной власти как явления статического в качестве динамического отношения, необходима общественно значимая цель, объективная необходимость в управлении, норма права, и, как правило, необходимо совершение соответствующего юридически значимого акта. В результате возникает публичное управленческое отношение: определенная связь между субъектом и объектом управления. Сущность этого отношения состоит в воздействии субъекта, обладающего публичной властью (принадлежащей территориальному публичному коллективу и делегированной им в определенном объеме субъекту управления), на объект управления, в общественных интересах [3, с. 40].

Система публичного управления представляет собой комплекс специальных субъектов и способов воздействия в рамках установленных процедур. Система организуется вокруг институционализированного центра и должна обеспечивать существование общества на определенной территории. Такой центр распределяет управленческие функции, гарантирует их выполнение, то есть координирует деятельность [7, с. 40].

Государство рассматривается в общей теории управления как частный случай организации и осуществления публичной власти. Являясь сложным явлением, государство не имеет однозначного определения [8, с. 142]. Самостоятельная политологическая традиция понимания государства формируется на базе взаимодействия юридического и социологического подходов. Исходя из «кибернетического» (системного) и политологического подходов, формируется понимание государства с позиции науки управления. Государство рассматривается в качестве: одной из разновидностей систем публичного управления; юридического выражения данной системы публичного управления в целом и, одновременно, ее центра.

Отмечают, что не редко такой центр не является единственным субъектом публичного управления. Существуют также и другие субъекты публичного управления. Они во многих отношениях независимые и осуществляют свою деятельность с санкции и под гарантии центра [7, с. 59].

Органы местного самоуправления, выполняя функции публичной власти на определенном территориальном уровне, обладают публично-властными полномочиями и не являются частью системы органов государственной власти. В рамках сложившейся концепции единой

системы публичной власти Конституционный суд Российской Федерации обозначил понимание этого единства как единства функционального (не исключающего организационного взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также не свидетельствующего о нахождении органов местного самоуправления в системе органов государственной власти и не лишаящего их самостоятельности [9].

Функциональный подход к пониманию природы властных отношений предполагает необходимость осуществления органами публичной власти функции по налаживанию совместной деятельности территориально организованного сообщества [10, с. 4-15].

Реализация невластными субъектами публично-властных полномочий, делегированных в установленном порядке органом государственной власти или органом местного самоуправления, тоже относится к публичному управлению [11, с. 12]. Поэтому публичное управление также характеризуют в качестве управления обществом государственными органами вместе с обществом [12, с. 41].

Органы всех ветвей государственной власти, органы местного самоуправления, а также негосударственные и немunicipальные субъекты, реализующие делегированные публично-властные полномочия являются субъектами публичной власти и соответственно публичного управления. Существуют значительные отличия между указанными субъектами по объекту и способу управленческого воздействия. Они выполняют определенные функции и наделяются соответствующими полномочиями, реализующимися в разном порядке. В рамках данной статьи рассматривается реализация полномочий публичной власти, не связанных с законотворчеством и правосудием.

Общественные отношения, возникающие в сфере деятельности субъектов публичного, в том числе государственного управления, опосредуются различными отраслевыми правоотношениями.

Субъект публичного управления, осуществляющий руководящее воздействие, является носителем властных полномочий, что обуславливает неравенство сторон в правоотношениях и возможность принудительного осуществления своих требований. Наряду с этим носитель властных полномочий лишен права действовать на основе свободной воли и собственных интересов. Право связывает властные полномочия путём закрепления и регламентации в законодательстве, в основном, в статутных законах и иных актах типа положений об

органах. Это препятствует их произвольному пониманию и применению.

Функции органов власти закрепляются нормами, которые определяют содержание материальных административно-правовых отношений. Наряду с нормами административного права эти отношения регулируются нормами и других отраслей права, действующими в пределах, устанавливаемых административными нормами, закрепляющими функции органа власти. Полномочия органа закрепляются в компетенционных актах в общей форме, а их расширение происходит с помощью норм других отраслей права [13, с. 108, с. 132].

Можно утверждать, что компетенция субъекта публичной власти реализуется только в рамках тех правоотношений, которые имеют публично-правовой характер. В таких правоотношениях всегда существует неравенство сторон. Но могут быть правоотношения, одновременно включающие в себя как элементы публичных, так и частных. Так, правоотношения, возникающие в процессе управления охраной и рациональным использованием земли (установление и изменение границ административно-территориальных образований, землеустройство, контроль за охраной и использованием земель), обладают признаками публичных. В то же время, договорные правоотношения между арендодателем и арендатором земельного участка. При этом и те, и другие охватываются понятием «земельные правоотношения». Присутствие публично-правовых элементов как раз и обусловлено тем, что реализация компетенции органа власти, а значит и его функций, происходит в рамках этих правоотношений. Полномочия собственника орган публичной власти может реализовать только в рамках своей компетенции, если управление собственностью в нее входит.

Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [14] четко связывает со сферой административных и иных публичных правоотношений предмет своего регулирования и задачи административного судопроизводства. В порядке административного судопроизводства рассматриваются административные дела, возникающие из административных и иных публичных правоотношений.

Правила рассмотрения таких дел имеют существенные особенности: активная роль суда; возложение обязанности доказывания законности оспариваемых нормативных правовых актов, решений, действий (бездействия) органов и должностных лиц, наделенных

государственными или иными публичными полномочиями на соответствующий орган или должностное лицо.

Особый порядок рассмотрения дел, стороной которых выступает субъект публичной власти, призван компенсировать фактическое неравенство между таким субъектом и другой стороной в лице невластного субъекта (физического лица или организации). Наряду с закрепленным принципом равенства всех перед законом и судом есть фактическое неравенство в обеспеченности материальными, кадровыми, информационными ресурсами.

Если законодатель выделяет такого рода административные дела, возникающие из публичных правоотношений, то можно предположить, что есть дела, стороной которых выступает субъект публичной власти, возникающие из других, то есть непубличных правоотношений. Такими могут быть только частные правоотношения. Однако трудность в том, что критерии их разграничения, а также отнесения к ним отраслевых правоотношений существуют только в теории права. Земельное и экологическое право содержат как публично-правовые, так и частноправовые элементы.

Субъект публичной власти не может вступать в правоотношения вне реализации своих полномочий. Он может действовать только на основании, способом и в пределах, предусмотренных законодательством. Это также относится к административному усмотрению и дискреционным полномочиям. Властная природа такого субъекта не изменяется. Ключевое значение имеет обязанность субъекта публичной власти реализовать свои властные полномочия исключительно для достижения целей общественного и государственного характера, предусмотренных законом. Всем этим обусловлено его особое правовое положение.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что все споры, связанные с реализацией полномочий субъекта публичной власти (кроме полномочий по осуществлению правосудия и законотворчества) должны рассматриваться в специальном судебном порядке. Предмет регулирования Кодекса административного судопроизводства и задачи административного судопроизводства должны определяться сферой реализации полномочий субъекта публичной власти. Понятие «административное дело» не должно определяться через возникновение из административных и иных публичных правоотношений. В порядке административного судопроизводства должны рассматриваться все дела,

возникающие из правоотношений, в которых реализуются полномочия субъекта публичной власти, а также властные полномочия невластных субъектов, делегированные им в установленном порядке органом государственной власти или органом местного самоуправления.

Список источников

1. Хомелева, Р. А. К построению онтологической концепции власти: теоретико-методологический подход / Р. А. Хомелева // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2000. – Том III. – Вып. I. – С. 14–17.
2. Югов, А. А. Правовые основы публичной власти в Российской Федерации: монография / А. А. Югов; М-во образования Рос. Федерации. Урал. гос. юрид. акад. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. юрид. акад., 1999. – 121 с.
3. Чиркин, В. Е. Публичная власть / В. Е. Чиркин. – Москва: Юристъ, 2005 (Щербин. тип.). – 174 с.
4. Рачинский, В. В. Публичная власть как общеправовая категория: Теоретико-прикладной аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история правовых учений / В. В. Рачинский; Ур. гос. юрид. акад. – Екатеринбург, 2003. – 25 с.
5. Старостин, Е. О. Правовые формы осуществления государственной власти: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 – Теория и история права и государства; история правовых учений / Е. О. Старостин; Нижегород. акад. МВД России. – Нижний Новгород, 2006. – 34 с.
6. Минаков, П. А. Публичная власть: политологический аспект: автореф. дис. ... канд. политич. наук: 23.00.01 – Теория политики, история и методология политической науки / П. А. Минаков; Уфимск. ин-т Россий. гос. торг.-эконом. ун-та. – Уфа, 2007. – 20 с.
7. Старцев, Я. Ю. Система государственного управления: Политический анализ: учеб. пособие / Я. Ю. Старцев; Ур. акад. гос. службы. – Екатеринбург: Урал. акад. гос. службы, 2001. – 287 с.
8. Чиркин, В. Е. Система государственного и муниципального управления: учебник для бакалавриата / В. Е. Чиркин. – 6-е изд., перераб. – Москва: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 400 с.
9. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации от 16 марта 2020 года № 1-3 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202003160037>.
10. Байтин, М. И. О понятии государства / М. И. Байтин // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2002. – № 3(242). – С. 4–16.
11. Понкин, И. В. Общая теория публичного управления: правовые основы, цели, принципы, инструменты, модели и концепты публичного управления:

лекционный курс / И. В. Понкин; Российская акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Российской Федерации, Ин-т гос. службы и упр., Фак. гос. и муниципального упр., Каф. гос. и муниципального упр. – Москва: Буки-Веди, 2016. – 251 с.

12. Особенности публичного управления в современной России: монография / [О. Г. Александров, Р. Р. Вафин, В. В. Запарий и др.]; под общ. ред. Т. М. Резер; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт государственного управления и предпринимательства. – Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2018. – 154 с.

13. Бачило, И. Л. Функции органов управления: (Правовые проблемы оформления и реализации) / И. Л. Бачило. – Москва: Юрид. лит., 1976. – 198 с.

14. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 9 марта 2015 г. – № 10. – Ст. 1391.

LEGAL ASPECTS OF THE IMPLEMENTATION OF PUBLIC POWER

The article examines the process of realization of public power in public administration, as well as the nature of legal relations in which the powers of the subject of public power are realized. The necessity of considering all disputes involving the subject of public authority in a special judicial procedure is substantiated.

Keywords: public authority, public administration, state, subject of public authority, public legal relations.

Косач Наталья Евгеньевна
кандидат юридических наук,
доцент, доцент кафедры теории
и истории государства и права
ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: kosach@donnu.ru

Kosach Natalya
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the
Department of Theory and History
of State and Law of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: kosach@donnu.ru

УДК 342.7:004.8

Матвиенко Е. А.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ СИСТЕМ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

В статье анализируются основные направления существующие в научной доктрине в области соблюдения прав человека в условиях применения систем искусственного интеллекта, как ответной реакции на происходящие глобализационные и интеграционные процессы. Автором аргументировано приводятся как положительные аспекты внедрения технологий искусственного интеллекта, так и вероятность неблагоприятного их влияния на права человека.

Ключевые слова: права и свободы человека, глобализация, интеграционные процессы, система искусственного интеллекта, защита прав человека.

Современное общество характеризуется своими глобализационными и интеграционными процессами, которые выступают приоритетными направлениями в развитии и модернизации существующего внутреннего устройства государства. Рассматриваемые процессы взаимосвязаны и взаимодополняемы между собой. Глобализацию можно описать как возможность всемирной унификации в различных областях и сферах деятельности общества и государства в целом, с помощью которого происходит ускоренный обмен информацией, технологиями, товарами и услугами, как результат взаимовлияния коммуникаций государств. В свою очередь, интеграцию можно интерпретировать как синтез, то есть процесс объединения разнородных элементов в единое целое. По справедливому утверждению Ждановой М. Г. «... об интеграции же имеет смысл говорить в том случае, если связи между ранее разнородными и независимыми элементами становятся для них существенными, но самое главное они становятся взаимозависимыми. Другими словами, интеграция – это

© Матвиенко Е. А., 2022

процесс организации отношения элементов, в котором сохраняется их относительная самостоятельность» [1, с. 1].

Несмотря на положительные аспекты указанных процессов стоит отметить, что современное общество также сталкивается и с различными вызовами и противоречиями в контексте глобализации и интеграции. Их взаимодействие носит противоречивый характер, что приводит к некоторым дисфункциям на уровнях соблюдения основополагающих идей и принципов, заложенных в Основном законе страны. Среди негативных аспектов, в качестве примера, следует отметить возможность усиления неравенства, разрушение традиционных культурных ценностей, потеря национальной идентичности, недостаток демократии в принятии решений и неравенство между участниками интеграционных процессов. Указанные нарушения в нормальном функционировании общества и государства затрагивают основные права и свободы человека, соблюдение которых является неотъемлемой обязанностью любого правового государства. В подтверждение указанного тезиса выступает Майоров А. С., который указывает, что «сущностью и смыслом существования государства является обеспечение прав человека» [2, с. 34].

В свою очередь, О. Е. Кутафин рассматривает приоритет прав и свобод как «гарантию конституционности государства и полагает, что в современном российском обществе права человека служат пока лишь ценностным эталоном, они, хотя и обозначены в Конституции, но трудно достижимы» [3, с. 302].

Следует согласиться с мнением О. Е. Кутафина, подчеркнув всю сложность должной реализации основных прав и свобод в условиях модернизации состояния современного общества и процессов, происходящих в нём. В качестве нового вызова современного мира выступает внедрение систем искусственного интеллекта в различные сферы жизни индивидуума, что вызывает обеспокоенность относительно защиты прав свобод человека и этических вопросов относительно применения таких систем.

Основополагающей теоретической и методологической базой исследования послужили труды зарубежных и российских исследователей в сфере изучения особенностей применения технологий искусственного интеллекта, а также отдельные труды, посвященные проблематике соотношения прав и свобод человека и внедрения систем искусственного интеллекта в его сферу деятельности. Рассматриваемая

тема носит комплексный междисциплинарный характер, что обуславливает количество точек зрения и подходов к решению существующих дискуссионных вопросов.

К научным работам, которые представляют особый интерес для целей настоящего исследования, относятся труды таких ученых как В. В. Архипова Л. С. Болотова, Т. А. Гаврилова, А. А. Жданова, Т. М. Лопатина, В. Б. Наумов, А. С. Потапов, Д. В. Смолин, Ф. В. Ужов, В. Ф. Хорошевский, О. А. Ястребова и др. Подобный вопросы исследованы также и зарубежными авторами, в частности, Д. Кастро, Р. Курцвейл, А. Лоусан, Дж. Маккарти, Дж. Мюссер, Ш. Б. Нейр, Э. Рич, С. Б. Руса, П. Г. Уинстон и др.

В научной литературе активно ведутся дискуссии относительно понимания такого явления как «технологии искусственного интеллекта», его правовой природы, ключевых аспектов развития и т.д. По справедливому мнению Кирсы А. С. и Кутепова О. Е., «в настоящее время одной из наиболее приоритетных целей нашей страны является разработка нормативно-правовых актов, регулирующих развитие искусственного интеллекта в Российской Федерации, их систематичное, последовательное внедрение в общественную жизнь с соблюдением законных интересов граждан нашего государства» [4].

Законодатель впервые дал терминологическое обоснование «искусственному интеллекту», как сложному семантическому понятию в Указе Президента Российской Федерации «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», которое трактуется следующим образом «искусственный интеллект – то комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые, как минимум, с результатами интеллектуальной деятельности человека» [5].

Законодательное закрепление терминологической дефиниции, цели и основных задач развития искусственного интеллекта, свидетельствует о высоком значении применения рассматриваемых технологий, как особого фактора модернизации приоритетных сфер государственной деятельности, а также указывает на особую значимость для обеспечения национальных стратегий и интересов России.

Таким образом, государство, путём правовой фиксации положений об искусственном интеллекте, стремиться узаконить новые

развивающиеся общественные отношения. Технологии искусственного интеллекта, влияя на различные сферы жизнедеятельности современного человека, активно проникая в рутинные процессы, позволяют улучшить качество жизни людей, обеспечить безопасность государства и повысить эффективность услуг в различных областях, таких как здравоохранение, образование и медицина. Однако, несмотря на существенные преимущества, дальнейшее внедрение искусственного интеллекта требует комплексного подхода и особого контроля при изучении потенциальных рисков, которые чаще всего заключаются в нарушении прав и свобод человека.

Противоречие между преимуществами технологий искусственного интеллекта и ограничениями прав человека особо проявляется в сфере неприкосновенности частной жизни и защиты конфиденциальных данных. Право на неприкосновенность частной жизни занимает одно из ведущих мест в числе личных неотъемлемых прав человека и вместе с другими естественными правами составляет основу конституционного статуса личности [6]. Проблема защиты прав личности, защиты личности от несанкционированного сбора персональных данных и распространении информации личного характера приобрела особую актуальность с учётом повсеместного использования различных мессенджеров и приложений, которые при регистрации запрашивают доступ к данным человека и требуют особых разрешений для дальнейшего функционирования. Предоставляя информацию о своем здоровье, политических убеждениях, семейной жизни и иных анкетных данных, публикуя фото и видеоматериалы человек, сам того не подозревая, создаёт угрозу нарушения конфиденциальности своих персональных данных, которые могут использоваться третьими лицами.

Основу работы систем искусственного интеллекта составляет алгоритм входных и выходных данных, которые программируются непосредственно человеком. Искусственный интеллект лишен разнообразия и инклюзивности, что может привести к дискриминации и нарушению индивидуальных прав. Если алгоритм, который задан искусственному интеллекту, был несбалансированным или содержал предвзятые данные, то это может привести к принятию искусственным интеллектом предвзятых или ошибочных решений. Например, методы искусственного интеллекта при внедрении их систем в программу предоставления кредита или страховки, могут одобрять заявку, исходя из расовой или гендерной принадлежности, что является недопустимым.

В обосновании обозначенной проблемы стоит отметить мнение профессора С. Ю. Кашкина, который утверждает, что применение основанных на искусственном интеллекте рейтингов полностью отвергает принцип равенства граждан, возвращает общество в кастовое прошлое, ведет к управлению на основе страха и насилия государства над бесправной оцифрованной личностью [7, с. 153]. Развивая свою позицию, С. Ю. Кашкин и А. В. Покровский, отмечают, что применение юнитов искусственного интеллекта в управлении людьми в силу отсутствия у роботов духовного, нравственного начала с закономерностью приводит к утрате справедливости, нравственности при осуществлении управления и в конечном счете – к утрате человечности [8, с. 71]. Однако, стоит согласиться, что «все преимущества информационных технологий должны реализовываться, только если они будут соответствовать определенным ценностям и этическим принципам» [9, с. 7].

Таким образом, на основании проведенного исследования стоит отметить, что изменение правовой коммуникации, происходящей под влиянием возрастающей роли цифровых коммуникаций в современном обществе, неизбежно влечет за собой необходимость адаптации законодательства и правовых норм к новым условиям.

В связи с этим, актуализируется проблема правового регулирования искусственного интеллекта, как ответной реакции на происходящие глобализационные и интеграционные процессы, его рационального использования в различных отраслях человеческой деятельности и создания соответствующих механизмов для устранения нарушений в сфере прав человека.

Возникает необходимость сбалансированного применения технологий искусственного интеллекта, с целью минимизации негативного воздействия на права человека при их реализации. Для этого целесообразно осуществлять контроль систем искусственного интеллекта на предмет недостаточной прозрачности, искажение информации, несовершенных и уязвимых механизмов защиты, а также разрабатывать соответствующие законы и стандарты, которые обеспечат защиту неприкосновенности частной жизни и предотвратят возможные нарушения прав человека.

Использование технологий искусственного интеллекта дают широкие возможности, позволяют автоматизировать рутинные процессы и получить огромные выгоды, но при этом важно не забывать о широком

спектре правовых последствий при применении данных технологий. Только при соблюдении баланса между защитой прав и свобод человека и гармоничной работой систем искусственного интеллекта, отвечающим этическим ценностям и правовым принципам, возможно создать безопасное и справедливое цифровое общество, где технологии будут служить на благо как отдельного человека, так и всего государства в целом.

Список источников

1. Жданова, М. Г. Понятие «интеграция» в исследовании социальных процессов / М. Г. Жданова // Медицина и образование в Сибири. – 2009. – № 1. – С. 1–7.
2. Майоров, А. С. Содержание юридического конструкта «права человека как высшая ценность государства»: теоретико-правовой анализ / А. С. Майоров // Юридическая наука. – 2023. – № 7. – С. 34–38.
3. Российский конституционализм / О. Е. Кутафин. – Москва: НОРМА, 2008. – 544 с.
4. Кирса, А. С. Влияние искусственного интеллекта на правовую деятельность человека / А. С. Кирса, О. Е. Кутепов // Молодой ученый. – 2020. – № 50(340). – С. 235–238.
5. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_335184/ (дата обращения: 12.02.2022). – Загл. с экрана.
6. Аберхаев, Э. Р. Право на неприкосновенность частной жизни: юридическая характеристика и проблемы реализации / Э. Р. Аберхаев // Russian Journal of Economics and Law. – 2008. – № 1(5). – С. 90–94.
7. Кашкин, С. Ю. Искусственный интеллект и робототехника: Возможность вторжения в права человека и правовое регулирование этих процессов в Европейском союзе и мире / С. Ю. Кашкин // Lex Russica. – Москва, 2019. – № 7(152). – С. 151–159.
8. Кашкин, С. Ю. Искусственный интеллект, робототехника и защита прав человека в Европейском союзе / С. Ю. Кашкин, А. В. Покровский // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – Москва, 2019. – № 4. – С. 64–90.
9. Artificial Intelligence & Human Rights: Opportunities & Risks / Raso F., Hilligoss H., Krishnamurthy V., Bavitz C., Kim L.; Berkman Klein Center for Internet & Society research publication. – 2018. – P. 3–62.

HUMAN RIGHTS IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE SYSTEMS

The article analyzes the main directions existing in the scientific doctrine in the field of human rights in the context of the use of artificial intelligence systems as a response to the ongoing globalization and integration processes. The author provides both the positive aspects of the introduction of artificial intelligence technologies and the likelihood of their adverse impact on human rights.

Keywords: human rights and freedoms, globalization, integration processes, artificial intelligence system, human rights protection.

**Матвиенко Екатерина
Александровна**

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории
и истории государства и права
ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: k.matvienko.donnu.jur@mail.ru

Matvienko Ekaterina

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the
Department of Theory and History
of State and Law of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: k.matvienko.donnu.jur@mail.ru

УДК 340.11.16

Павленко П. И.

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕФОРМАЦИИ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

В статье автор проводит анализ проявления негативных деформационных идей относительно понимания права в условиях исторического развития российского общества. Анализируются разнообразные мнения и представления о праве, которые в прошлом отражали негативное отношение отдельных социальных групп и их представителей к действующему, в определённые исторические эпохи, праву. Понимание внутренней природы деформации, которое формировалось в истории российского общества и государства, помогает определить проблемные аспекты этого явления и избежать появления новых причин и условий для его развития, что будет способствовать «взрослению» правовой культуры и правосознания в обществе.

Ключевые слова: общественное правосознание, деформация правосознания, правовой нигилизм, социально-культурные традиции понимания права.

Фактически, на протяжении всего исторического пути становления и развития российского общества и государства, вопросы формирования, выявления и трансформации деформации правосознания, как одной из тяжёлых форм отрицания права – правового нигилизма всегда интересовали учёное сообщество. Отрицание права, как системы принципов и правил поведения в обществе, всегда оказывало пагубное влияние на правовую культуру общества, особенно когда российское государство находилось в тяжёлой ситуации.

Сегодня, в то время, когда Российская Федерация находится в сложной внешнеполитической ситуации, которая непосредственно влияет на общественное настроение внутри страны, и, вместе с тем, на общий уровень политической и правовой культуры, изучение и анализ

общественного правосознания является актуальной и своевременной задачей. Анализ проблемы деформации правосознания не только даёт возможность определить природу данного явления и его влияние на восприятие политических, социальных и правовых процессов, а и обозначить систему новых мер, направленных на устранение негативного восприятия права и повышение значимости для общества, особенно в сфере практической реализации.

Анализ рассматриваемой проблемы имеет под собой социальные, культурные, политические, а также исторические корни. Актуализации подвержена не только стадия появления деформации, а и другие стадии, показывающие развитие и трансформацию в связи с различными социальными, политическими, экономическими факторами, имевшими место в истории российского государства и оставившими след в сознании народных масс. В связи с этим, анализ исторического развития этого социально-правового феномена даст возможность исследовать его стадии развития, внутреннюю сущность и влияние на сознание разных социальных групп для нахождения решения этой острой социальной проблемы.

Исследованию исторического аспекта деформации правосознания в российском обществе посвящены работы многих отечественных ученых, таких как: Бабаева В. К., Захарцев С. И., Лях Н. А., Матузов Н. И., Маховиков А. Е., Орехова Н. Л., Смирнов А. М., Соколова Е. С., Стругова Е. В., Туманов В. А., Шмелева О. Ю. и др.

Цель исследования состоит в проведении исторического анализа социально-правового феномена деформации правосознания для определения его свойств, причин и условий его появления, а также его влияния на общество и государство.

Деформация правового сознания, которая является объектом исследования научной статьи, по мнению многих российских и советских исследователей (Ильин И. А., Кистяковский Б. А., Крыленко Н. В., Курский Д. И., Новгородцев П. И., Пашуканис Е. Б., Португалов Г. М., Рейснер М. А., Стучка П. И.) имела свою историческую обусловленность, всегда была в «фокусе российской юридической науки» [1, с. 42] и была крайне актуальна.

Сегодня, в начале XXI в. современная Россия находится в трудной ситуации как внешнеполитического развития, так и развития внутренних политических, социальных и правовых связей. Общество переживает сложные времена, и поэтому необходимо определить факторы и условия,

которые определяют развитие общества в социальном, экономическом, политическом, духовном и правовом плане. По мнению Ореховой Н. Л. правосознание как социальный регулятор играет очень важную роль, который значительно деформировался в последние несколько десятилетий [2, с. 57].

Как отмечает Н. И. Матузов, и с ним можно согласиться, что «в последние годы современное состояние отечественного правосознания характеризуется наличием в нем некоего правового вакуума, который необходимо чем-то заполнить. С одной стороны, такой вакуум в сознании людей может быть заполнен духовно-нравственными и религиозными ценностями, а с другой криминальным, уголовным менталитетом с его глубоко нигилистическим отношением к праву» [3]. В связи с данным обстоятельством проблема деформации правосознания актуализируется и с практической точки зрения, показывает, насколько важной для государства и общества является задача по формированию общества с высоким уровнем правовой культуры и уважительным отношением к праву.

В отечественной истории очень часто наблюдалось построение отношений между властью и народом, в которых главенствующую административно-управленческую роль играла политическая элита, а не представители социальных слоёв или общество в целом. Так, с момента образования древнерусского государства имели место попытки формирования подданнической модели взаимоотношений между властью и обществом и уход от вассально-сеньориальных отношений, основанных на двусторонней системе обязательств (Владимир Мономах, Андрей Боголюбский).

Формирование подданнической политической культуры, характеризующейся односторонней зависимостью от власти, императивного характера права и распространенность внеправовых методов решения споров – все это характеризовало период политической и экономической зависимости русских княжеств от Монгольской империи. В это время было уничтожено вече как оплот народовластия, вассально-дружинные отношения, ввиду распространения практики выдачи ярлыков, заменялись подданническими, исчезло представление о необходимости баланса прав и обязанностей. Такая зависимость в значительной мере затрудняла или практически полностью устраняла возможность появления народного (общественного) сознания основанного на традиционных ценностях русского народа.

Русское общество, включая политическую элиту, придерживалось соглашательской тактики в отношениях с высшей инстанцией, права и свободы, как неотъемлемый атрибут субъектов политико-правового процесса, не формировались законотворческим путём, а даровались правителями. Со стороны духовного развития, также не наблюдались процессы, направленные на формирование традиционной социальной и правовой культуры и сознания. Так, подданные политические ориентации идеологически закреплялись принятием христианства в форме православия. Православная церковь не была институтом ограничения политической власти, а напротив – считалась оплотом верховной власти, также как и в странах Западной Европы, где аналогичная роль принадлежала католической церкви. Власть приобрела божественный характер и абсолютную легитимность через божественное право.

Дальнейшие исторические события (Междоусобная (феодалная) война в Московской Руси, Правление Ивана IV Грозного, «Смутное время», городские бунты и восстания XVII в., усиление крепостного гнета) привели к тому, что государство заняло в общественной жизни России доминирующее положение. Оно не только не выросло из общества, а, наоборот, развитие общества происходило под жестким контролем государства. Кроме этого, патерналистская традиция, которая была всегда присуща российской истории, культуре и политическим процессам, также вносила свои коррективы в формирование образа правосознания, как с положительной, так и отрицательной стороны [4].

Политическая деятельность русского царя и императора Петра I в вопросе развития общественного правосознания носила противоречивый характер. С одной стороны, отношение к государственной власти и управлению, к российским сословиям и обществу в целом, к праву и правовым принципам формировало положительный образ петровской политики. Попытка, через реформы, преобразовать российское общество в духе «общего блага», заимствованное из платонической традиции западной политической философии [5, с. 345], действительно поспособствовало повышению уровня общественного сознания в стране. Среди отдельных социальных групп (представители дворянства, городское население, почитатели либеральных западных взглядов) наблюдалась приверженность петровским политическим взглядам и преобразованиям, которые меняли не только механизм и принципы

всего государственного управления, но и сознание относительно государства, власти, права и закона. С другой стороны, петровские реформаторские преобразования подвергались критике со стороны бояр, духовенства, стрельцов, а также части городского населения и крестьян. Это стало реакцией на нововведения в политической, социальной, экономической, духовной и культурной сферах жизнедеятельности общества. Общественное социальное сознание и правосознание подвергались деформации вследствие проявления бюрократии и коррупции при создании системы государственного управления, низкого материального уровня армии и флота, появления новых увеличенных налогов, принятия непопулярных законов, падения авторитета православной церкви и проявления протестантских настроений, что оказало значительное влияние на отчуждение общества от государства и права.

При формировании новой системы права в конце XVII-начале XVIII века сохранялась аналогичная тенденция, как и ситуации с преобразованиями других сфер жизнедеятельности российского общества и государства. Так, в этот период вносились существенные изменения и поправки в уголовное, гражданское, семейное, процессуальное право, проводилась работа по систематизации законодательства и кодификации отраслевых норм, принимались различные регламенты, манифесты, указы и уставы. Всё это многообразие правовых предписаний непосредственно корректировало социальную жизнь и деятельность различных слоёв российского общества, от крестьянства до дворянства. Отношение к этим нормативным актам и правовым положениям, со стороны общества, было неоднозначным. Если, как и в ситуации с политическими реформами, отдельные представители дворянства и городского населения позитивно восприняли изменения в законодательстве, особенно нормативы регулирующие торгово-промышленную деятельность, заключение брака, заключения договоров товарищества, поставки, личного найма, то другие социальные группы и сословия (бояре, духовенство, крестьянство) весьма негативно восприняли изменения в области регулирования имущественных прав, права наследования, воинской повинности, крепостных отношений. Кроме этого, принятие огромного количества нормативных актов (с 1649 по 1696 г. было принято более 1,5 тыс. актов, имевших силу законов, а за весь период правления Петра I было принято более 4 тыс. правовых

актов) также не способствовало повышению общего уровня правосознания и правовой культуры по причине огромного массива законов, правовой безграмотности населения, недостаточной информированности о принятых актах и сложной и запутанной системе работы чиновничьего аппарата при взаимодействии с населением.

В этих условия неудивительным является факт понижения общего уровня правосознания и проявления деформации в отдельных сообществах потерявших значительную часть своих прав, свобод и возможностей вследствие проведения правовой реформы и коренного изменения правовой системы государства.

В последующий исторический период со второй четверти XVIII века (послепетровская эпоха) до 20-х годов XX века (образование советского государства) также наблюдался как рост так и спад социального и правового сознания в условиях политической борьбы за власть (дворцовые перевороты XVIII века), усиления императорской власти (правление Екатерины Великой), борьбы против эксплуатации и крепостного права (антифеодальные выступления крестьян, казаков и рабочих), реформ государственной власти и законодательства (реформы Александра I), становления революционного движения и его идеологии (движение декабристов), буржуазных реформ 60-х-70-х годов XIX в., социалистических революций и Первой мировой войны.

Рост правосознания, во время этих исторических событий, был, прежде всего, связан с попыткой отдельных социальных групп, как правило созданных для революционной борьбы с самодержавием, отстоять свои права и свободы, создать демократическое законодательство и устранить остатки старой системы механизма государства, мешающие формированию современного правового государства. Однако, стоит заметить, что интересы политической элиты и внешняя политика российского государства не давали возможности для реализации этих целей и задач, создавая антинародный образ в понимании представителей народных масс.

Учитывая этот факт, неудивительно что недовольство народа в начале XX в. переросло в крупнейшее революционное движение за всю историю России, которое полностью изменило вектор развития в политической, социальной и правовой сферах. Деятельность революционных сил, как и все значимые события в истории России, разделила взгляды, мнения и представления общества на два лагеря. Нельзя однозначно утверждать, что среди пролетариата все,

однозначно, поддерживали большевиков в вопросах преобразования государства, власти и права, равно и то, что среди представителей буржуазного класса формировалось исключительно негативное мнение относительно политики большевиков. Можно сказать, что в это тяжёлое время общественное мнение большевиков, меньшевиков, пролетариата, представителей буржуазии и других социальных групп формировалось вокруг двух идеологий: первая (идеология большевиков) – это идея предоставления угнетенным народам страны права национального самоопределения, возможности самим решить свою дальнейшую судьбу, создание новой системы государственного управления, установление диктатуры пролетариата, построение социалистического государства и права; вторая (идеология меньшевиков) – была направлена против строгого централизма партии большевиков и наделения её большими полномочиями, пролетариат должен был действовать в коалиции с либеральной буржуазией против самодержавия, отрицала революционный потенциал крестьянства, поддерживала Временное правительство и выступала против построения социализма.

Более популярная идеология большевиков строилась на основе марксистской теории как в вопросах государственного, так и правового преобразования. В понимании марксизма право – это выражение и закрепление воли экономически и политически господствующего класса, социальное явление, в котором классовая воля получает государственно-нормативное выражение. По мнению сторонников марксизма и большевизма, только в будущем, после пролетарской революции, формальное равенство и фактическое равенство станут означать одно и то же и право наполнится моральным содержанием. Поэтому, то правопонимание, которое представлялось в это время, носило классовый характер, представлялось несвоевременным, являлось вторичным по отношению к экономике и политике, что снижало роль и значение право, и деформировало правосознание.

Феномен правосознания в советское время был также достаточно противоречив. С одной стороны, можно с определенной уверенностью говорить о низком уровне правосознания и правовой культуры в первые годы образования советского государства, с другой стороны, в 1960-1970 гг. уровень правосознания советских граждан был весьма высок, подтверждением чему является низкий по отношению к США и Западной Европе уровень преступности и правонарушений, уважение

к закону, возможность добиться справедливости благодаря правовым принципам и нормам советского законодательства.

Однако и в советское время буква закона не для всех имела равную силу: за одно и то же преступление могла последовать различная мера наказания (или не последовать вовсе), в зависимости от принадлежности к партийной политической элите, связей или должности лица, совершившего противоправные действия, что в негативной степени влияло на формирование образа советского правосознания.

Помимо этого, укреплению правового нигилизма в массовом сознании граждан на рассматриваемом этапе общественного развития способствовали события перестроечного времени, которые сопровождались появлением проблем в установлении рыночной экономики, появлением олигархических кланов, потерей плановой экономики и производства и сокращением социальной поддержки.

Основу отношений составляли преимущественно неформальные политические и экономические связи, но не конституционные и юридические нормы. Ситуацию также усугубила перестройка государственного политического аппарата, которая сопровождалась полным изменением политического и идеологического курса государства. По мнению большинства исследователей, демократические ценности, которые провозглашались государством на первоначальном этапе переходного периода – свобода, равенство, справедливость, – оказались для большинства недостижимыми, а зачастую и фальшивыми. В итоге рост деформации правосознания в начале 90-х годов XX в. в России был значительно высоким, политические, идеологические, социальные и экономические проблемы создавали условия для её укрепления.

Сегодня, в начале XXI в., деформация правосознания представляется серьёзной проблемой как в теории, так и на практике. Как видно из истории России, устранение данного негативного явления социальной и правовой жизни общества является сложной задачей, требующей усилий как со стороны представителей власти, так и со стороны народа.

Для появления феномена правосознания и его деформации в отечественной культуре были исторические и социокультурные основания. В современной действительности по-прежнему существует возможность для воспроизводства нигилистических настроений

относительно права. В правоведении и юридическом сообществе отсутствует общепринятое понимание истинной сущности и предназначения права. Только при признании самоценности права, что будет исключать его рассмотрение в качестве средства достижения определенных целей, в обществе могут быть достигнуты стабильность и разумный правопорядок.

Деформация правосознания проявлялся в основном относительно формализованных правил поведения и практики их применения. Его устранение из отечественной социальной культуры предполагает формирование правосознания, которое синтезирует опыт мирового философско-правового наследия и ценностей национальной культуры, в которой неизбежно присутствует нравственная оценка норм права. Преодоление правового нигилизма – достаточно сложная и комплексная задача. Для ее решения на теоретическом уровне необходимо правильное теоретическое решение вопроса о регуляции общественной жизни правом и нравственностью.

Список источников

1. Стругова, Е. В. О правосознании и его деформации / Е. В. Стругова // Юридическая наука. – 2016. – № 1. – С. 41–48.
2. Орехова, Н. Л. Деформации правового сознания: разновидности, исторические и социокультурные причины / Н. Л. Орехова // Ленинградский юридический журнал. – 2019. – № 1(55). – С. 57–68.
3. Матузов, Н. И. Правовой нигилизм и правовой идеализм, как две стороны «одной медали» / Н. И. Матузов // Правоведение. – 1994. – № 2. – С. 3–15.
4. Лях, Н. А. Патернализм в России / Н. А. Лях // Россия и АТР. – 2002. – № 4(38). – С. 111–123.
5. Соколова, Е. С. «Закон яко фортеция правды»: о теоретико-практических основах законодательной политики Петра Великого / Е. С. Соколова // Genesis: исторические исследования. – 2015. – № 3. – С. 345–366.

PROBLEMATIC ASPECTS OF THE DEFORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

In the article, the author analyzes the manifestation of negative deformation ideas regarding the understanding of law in the conditions of the historical development of Russian society. Various opinions and ideas about law are analyzed,

which in the past reflected the negative attitude of individual social groups and their representatives to the law in force in certain historical epochs. Understanding the internal nature of deformation, which has been formed in the history of Russian society and the state, helps to identify problematic aspects of this phenomenon and avoid the emergence of new causes and conditions for its development, which will contribute to the «maturation» of legal culture and legal awareness in society.

Keywords: public legal consciousness, deformation of legal consciousness, legal nihilism, socio-cultural traditions of understanding law.

Павленко Павел Иванович

кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и
истории государства и права
ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: pavelpavlenko77@yandex.ru

Pavlenko Pavel

Candidate of Legal Sciences,
Associate Professor of the
Department of Theory and History
of State and Law of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: pavelpavlenko77@yandex.ru

УДК 342.95

Подляскин А. А.

МЕХАНИЗМ АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБОРОТА ОГНЕСТРЕЛЬНОГО ОРУЖИЯ И БОЕПРИПАСОВ НА ПРИМЕРЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ И ЛУГАНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

В статье проведен теоретико-правовой анализ механизма административно-правового регулирования оборота оружия и боеприпасов, рассмотрены основные признаки данного явления в теории административного права и произведено их соотношение с действующими в настоящий момент административно-правовыми механизмами оборота оружия и боеприпасов в Донецкой и Луганской Народных Республиках. В результате проведенного теоретического анализа, изучения статистических и практических данных рассмотрены проблемные вопросы в сфере механизма правового регулирования оборота оружия и боеприпасов в ЛДНР.

Ключевые слова: механизм, правовое регулирование, оружие, боеприпасы, оборот.

Вопрос правового регулирования сферы оборота огнестрельного оружия в современности имеет большое значение для функционирования всей государственной системы в целом, а также обеспечения как национальной безопасности государства, так и безопасности отдельных граждан. В рамках таких государств, как Луганская и Донецкая Народная Республики, данный вопрос является наиболее актуальным ввиду непрекращающихся боевых действий на территории указанных государств, а также ввиду недостаточного уровня нормативно-правового регулирования рассматриваемого аспекта.

Актуальность проведения научного исследования вопросов правового регулирования сферы оборота огнестрельного оружия

обусловлен, в первую очередь, особенностями развития правовой системы ДНР с учетом продолжающихся военных действий с Украиной. При этом, поскольку с 2022 года происходит возвращения ряда территории в ДНР в рамках границ Донецкой области, важным и необходимым является разработка правового механизма включения не только освобожденных территорий в состав ДНР, но и формирования порядка функционирования оборота огнестрельного оружия на освобожденных территориях ДНР, с учетом бесконтрольного оборота такого оружия с февраля 2022 года.

Исследование вопроса административно-правового регулирования оборота огнестрельного оружия осуществлялось, в частности: Рукавишниковым С. М., Томилиным О. О., Шмидт А. А.

Для определения проблемных аспектов исследуемой темы, по нашему мнению, первоначально необходимо рассмотреть теоретическую сторону, касающуюся такого элемента нормативно-правового регулирования как механизм административно-правового регулирования оборота огнестрельного оружия и боеприпасов.

Целью исследования является проведение теоретико-правового анализа механизма административно-правового регулирования оборота оружия и боеприпасов, а также рассмотрены основные признаки данного явления в теории административного права и произведено их соотношение с действующими в настоящий момент административно-правовыми механизмами оборота оружия и боеприпасов в Донецкой и Луганской Народных Республиках.

Административно-правовое регулирование, как явление, в рамках которого осуществляется исследование настоящей темы, в теории права представляет собой совокупность правовых средств, при помощи которых государство, так или иначе, воздействует на общественные отношения в желаемом для него направлении [1]. Особенности рассматриваемого типа правового регулирования обусловлены тем, что оно непосредственно связано с государством и предполагает, в первую очередь, выражение воли и интересов самого государства, закрепление институтов государственного контроля, а также определение путей развития общественных отношений. При этом во всех указанных направлениях правовая регламентация деятельности субъектов осуществляется путем применения норм административного права, которые установлены и функционируют на всех уровнях публичной власти.

Очередным аргументом в подтверждение актуальности исследования настоящей темы являются статистические данные совершения преступлений, связанных с оборотом оружия и боеприпасов. Так, по данным МВД ДНР, за период 2020 года из незаконного оборота было изъято 208 единиц стрелкового оружия, почти половина от общего числа – пистолеты (93 единицы), а в оставшееся количество входят ружья, автоматы, револьверы, карабины, винтовки и пулеметы. Также за указанный период изъято свыше 62 000 боеприпасов, в основном – патроны (61 436 единиц), а также почти 750 гранат, 18 мин и более 25 килограмм пороха [9]. При этом, МВД ЛНР официальные данные касавшиеся оборота огнестрельного оружия и боеприпасов за прошедший год в общий доступ не предоставляет, однако необходимо отметить, что по результатам анализа новостных материалов официального сайта МВД ЛНР можно сделать вывод о том, что, исходя из ежедневных сводок работы ОВД, связанной с незаконным оборотом оружия, большое количество преступлений связано именно с хранением такового, очевидно, ввиду боевых действий, происходящих на территории Республики. Так или иначе, в Республиках регулярно проводятся мероприятия, называемые «месячниками добровольной сдачи оружия», которые подразумевают под собой освобождение от уголовной ответственности лиц, сдавших имеющееся у них боевое огнестрельное оружие и боеприпасы, находящиеся у них на незаконных основаниях [9].

Подобный вид деятельности является довольно выгодным для государства, поскольку нежелательный оборот оружия и боеприпасов таким образом становится невозможным, а лица, в отношении которых, по сути, должны быть возбуждены уголовные дела, избегают судебных тяжб. Тем не менее, ввиду высокого уровня латентности преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия и боеприпасов, стоит отметить, что подобная добровольная сдача имеющегося на незаконных основаниях оружия и боеприпасов могут быть лишь способом сокрытия более тяжкого преступления, ввиду чего, по нашему мнению, в отношении таких граждан всё же должна быть проведена соответствующая проверка со стороны районных органов внутренних дел.

Механизм правового регулирования оборота оружия, в том числе огнестрельного, в свою очередь, являясь неотъемлемой частью административно-правового регулирования определённого вида деятельности в целом, должно внимания и широкого освещения в

научной литературе не получил, законодательного определения данный элемент также не имеет ввиду его теоретического значения. Тем не менее, в общем виде механизм административно-правового регулирования понимается как комплекс правовых средств, способствующих воздействию права на социальные связи, как отмечает С. С. Алексеев [2, с. 126].

Так или иначе, учитывая разрозненность мнений ученых касемо определения механизма административно-правового регулирования, следует учитывать, что он всё же являет собой систему правовых средств, обеспечивающих влияние на государственно-управленческие отношения для того, чтобы организовать их в соответствии и для достижения поставленных целей, задач и принципов государственного управления и устранит мешающие их достижению и реализации препятствия.

Для дальнейшего исследования необходимо определить факт того, на самом ли деле механизм административно-правового регулирования оборота огнестрельного оружия в ДНР и ЛНР является таковым и в полной мере достигает необходимого уровня эффективности, целей и задач его предназначения. С целью этого необходимо обратиться ко мнению К. В. Шундикова [3, с. 127], определяющего признаки механизма правового регулирования и сопоставить их с действующим законодательством ДНР и ЛНР.

Первым признаком механизма правового регулирования, исходя из мнения К. В. Шундикова [3, с. 127], является обладание механизмом правового регулирования собственным специфическим предметом, которым, согласно Закона ЛНР «Об оружии» от 11.09.2015 г. (далее – Закон ЛНР «Об оружии»), а также ведомственного Приказа МВД ДНР № 227 от 06.04.2015 г. (далее – Приказ МВД ДНР № 227) является оборот оружия и боеприпасов на территории Республик.

Следующим признаком механизма правового регулирования является его ориентированность на реализацию особых правовых целей. Исходя из рассматриваемого Закона ЛНР «Об оружии», основными целями данного закона являются защита жизни и здоровья граждан, собственности, обеспечение общественной безопасности, охрану природы и природных ресурсов, укрепление международного сотрудничества в борьбе с преступностью и незаконным распространением оружия [4]. При этом, согласно же представленному Приказу МВД ДНР № 227, целью такого правового механизма является

соблюдение порядка изготовления, приобретения, хранения, учета, перевозки и использования огнестрельного <...>, а также боеприпасов к оружию, основных частей [5].

В данном аспекте усматриваются различия ввиду того, что рассматриваемый нормативный акт Закон ЛНР «Об оружии» является в данной сфере типовым документом, регулирующим всю сферу оборота оружия и боеприпасов на территории ЛНР. При этом, Приказ МВД ДНР № 227 же является узконаправленным документом, регулирующим строго определённые аспекты всей исследуемой сферы, ввиду чего и общие цели механизма правового регулирования данных документов имеют существенные различия в части масштабности их охвата.

Еще одним признаком механизма правового регулирования является способность оказывать характерное лишь для рассматриваемого механизма социально-юридическое воздействие права. В рассматриваемом механизме таким средством воздействия является установленное лицензионно-разрешительной системой государства ограничение на оборот оружия на территории Республики (как ЛНР, так и ДНР), а также определённые виды ответственности за нарушение таких ограничений и законных требований, такие как административная и уголовная. Помимо этого, средство воздействия в данном механизме правового регулирования выражается в его административном характере, что раскрывается как в соподчинении органов, осуществляющих контроль за оборотом оружия и боеприпасов, деятельность которых регламентирована определёнными нормативно-правовыми актами, так и граждан, которые обязаны выполнять предписанные нормы в исследуемой сфере правового регулирования [1].

Очередным признаком механизма правового регулирования является воплощение его исключительно в особой форме, предусмотренной нормативно-правовыми актами, что подразумевает под собой, как минимум, наличие таких актов. В ЛНР, исходя из уже изложенного материала, подобный документ существует в виде типового Закона ЛНР «Об оружии», который, по нашему мнению, в полной мере предусматривает необходимый перечень норм для регулирования рассматриваемой сферы [4]. В ДНР же подобный законодательный акт отсутствует, ввиду чего в неполной мере раскрывается понятийный аппарат оборота оружия и боеприпасов, а также не раскрыты частные вопросы, например, касаясь перечня необходимых документов для

получения разрешения на ношение и хранение огнестрельного оружия в ДНР, поскольку Приказом № 227 МВД ДНР не предусмотрено наличие у лица справки о судимости при получении такого разрешения [5]. Ввиду этого, следует отметить острую необходимость в законодательном урегулировании изучаемого аспекта в виде типового закона, по аналогии с ЛНР и РФ, на территории Донецкой Народной Республики.

Крайним, по мнению К. В. Шундикова, признаком механизма правового регулирования является направленность на конкретные значимые для общества результаты [3, с. 127], которые, по нашему мнению, выражаются через уже описанные цели правового механизма оборота оружия и боеприпасов на территории Республик. Помимо этого, данная направленность также выражается и в конкретных практических достижениях применения механизма правового регулирования, конкретно в исследуемой сфере оборота оружия и боеприпасов, это должно выражаться в снижении уровня преступности, связанной с исследуемым аспектом, а также правонарушений в сфере хранения, ношения, перевозки оружия и боеприпасов, их изготовления, ремонта и тому подобного. То есть данный признак, в первую очередь, выражается в возможности применить указанные нормы механизма правового регулирования в жизнь. С этим, соответственно, ввиду отмеченных пробелов при описании признаков механизма административно-правового регулирования оборота огнестрельного оружия и боеприпасов в ДНР и ЛНР, возникают определённые проблемы и трудности.

Наиболее масштабным и значимым проблемным аспектом в части механизма административно-правового регулирования оборота огнестрельного оружия и боеприпасов в ДНР является, в первую очередь, недостаточный уровень регламентации данного вида государственной деятельности ввиду нехватки нормативно-правовых актов, устанавливающих правовой режим оборота оружия и боеприпасов. Помимо этого, уже имеющиеся нормативно-правовые акты, регламентирующие исследуемую сферу, также имеют немало пробелов. К таковым относятся: Приказ МВД ДНР № 227 от 06.04.2015 года «Об утверждении Инструкции о порядке изготовления, приобретения, хранения, учета, перевозки и использования огнестрельного <...> оружия и боеприпасов к нему»; Постановление СМ ДНР № 5-6 от 09.04.2015 года «Об утверждении Положения о разрешительной системе и Временного положения о порядке

регистрации, хранения и ношения нарезного боевого огнестрельного оружия и боеприпасов к нему» с соответствующими приложениями; Приказ МВД ДНР № 177 от 11.03.2016 года «Об утверждении Лицензионных условий ведения хозяйственной деятельности по производству, ремонту огнестрельного оружия невоенного назначения и боеприпасов к нему <...>» [8].

Основными пробелами, которые стоит выделить в регламентации вышеперечисленных нормативно-правовых актов является недостаточная требовательность к претенденту на получение разрешения на ношение и хранение огнестрельного оружия, в связи с чем, считаем целесообразным внести предложение о дополнении п. 8 Временного положения о порядке регистрации, хранения и ношения нарезного боевого огнестрельного оружия (Приложение № 2 к Постановлению СМ ДНР № 5-6) [6] следующим перечнем документов: справка об изучении материальной части оружия, специальных средств, правил обращения с ними, а также их применения; медицинская справка установленного образца; справка об отсутствии (наличии) судимости, что, по нашему мнению, будет играть превентивную функцию совершаемых в дальнейшем преступлений с использованием данного вида оружия.

В части последнего описанного признака механизма административно-правового регулирования, касающегося применения данного механизма на практике, видим целесообразным выделить проблему взаимодействия подразделений, ответственных за регулирование оборота оружия на территории государства, которые должны быть разрешены путем введения комплекса мер по совершенствованию организации и правового обеспечения деятельности органов внутренних дел по контролю в сфере оборота оружия, а также системы мер, направленных на повышение правовой культуры населения в части владения оружием [7, с. 127].

Необходимо отметить, что закрепленный в нормативно-правовых актах ДНР порядок создания и лицензирования субъектов хозяйствования, осуществляющих деятельность по производству, ремонту, торговле огнестрельным оружием и боеприпасов к нему, а также стрелковых тиров и стрельбищ, пунктов изучения материальной части огнестрельного оружия, правил обращения с ним и его применения, магазинов, осуществляющих продажу оружия и боевых припасов к нему, устройств и патронов к ним (указанных в Приказе

МВД ДНР № 177 [8]), необходимо воплотить в жизнь и обеспечить создание таких субъектов хозяйствования на территории Республики ввиду их актуальной надобности, ввиду возникновения ряда проблемных аспектов среди которых, в частности: отсутствие возможности граждан в приобретении того или иного вида оружия в целях, например, самообороны; отсутствие возможности у владельцев огнестрельного оружия осуществления соответствующего ремонта и ухода за таким оружием; отсутствие у владельцев огнестрельного оружия возможности познания принципа действия оружия, находящегося у них во владении, его материальной части, порядка правомерного его применения, а также необходимых навыков стрельбы. Все вышеперечисленные факторы в той или иной мере способствуют совершению множества правонарушений в сфере оборота огнестрельного оружия на территории ДНР.

Крайним аспектом, требующим освещения, является связь института оборота огнестрельного оружия и боеприпасов с происходящими на территории государства социальными, политическими и экономическими преобразованиями. Говоря о данном вопросе ввиду имеется подписанный Главами ЛНР и ДНР договор о создании единой таможенной территории и развитии экономической интеграции. Данный факт подразумевает под собой то, что с 1 октября 2021 года таможенные посты между ЛНР и ДНР отсутствуют [10].

В рамках функционирования единого таможенного пространства на единой таможенной территории будет функционировать единый внутренний рынок товаров, применяться единые таможенные тарифы и иные меры регулирования внешней торговли товарами с третьими странами. Помимо этого, требующим внимания в рамках темы настоящей работы является аспект введения единого режима торговли товарами в отношении с третьими странами, осуществления единого таможенного регулирования, свободного перемещения товаров между территориями государств-членов без применения таможенного декларирования и государственного контроля. Именно момент исключения подобного государственного контроля и может негативно сказаться на борьбе с преступностью в сфере незаконного оборота оружия и боеприпасов, ввиду чего видим целесообразным отметить, что, с учетом имеющейся статистики совершения подобных преступлений, а также с учетом упразднения таможенных постов и фактора государственного контроля при перевозке товаров между ДНР

и ЛНР, данным государствам необходимо создать четкую инструкцию противодействия незаконному обороту оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств на их территории в новых имеющихся условиях.

Подводя итог изложенного материала стоит, в первую очередь, отметить рассмотренный теоретико-правовой аспект, касающийся соотношения признаков механизма административно-правового регулирования в теории, со сложившейся ситуацией, связанной с данным вопросом, на практике, на территории государств ДНР и ЛНР. По итогам данной части исследования были сделаны выводы о том, что механизм административно-правового регулирования оборота огнестрельного оружия в ДНР и ЛНР в полной мере соответствует признакам «теоретического» механизма, однако данный факт не исключает имеющиеся проблемы его прикладного применения [11].

Исходя из вышеизложенного материала, стоит сделать выводы о том, что на современном этапе становления государственности в ДНР существуют проблемы взаимодействия подразделений, ответственных за регулирование оборота оружия на территории государства, которые должны быть разрешены путем введения комплекса мер по совершенствованию организации и правового обеспечения деятельности органов внутренних дел по контролю в сфере оборота оружия, а также системы мер, направленных на повышение правовой культуры населения в части владения оружием.

Помимо указанного, с учетом современных условий изменения территории ДНР и ЛНР в связи с проведением специальной операции Российской Федерации с 24 февраля 2022 года, участия граждан ДНР и ЛНР в военном конфликте с Украиной, вопросы законодательного совершенствования нормативно-правового регулирования оборота огнестрельного оружия становятся актуальными и требуют дальнейших научных исследований.

Список источников

1. Томилин, О. О. Административная ответственность в механизме административно-правового регулирования / О. О. Томилин, А. П. Любавин // Вестник Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова. – 2011. – № 3. – С. 124–128.
2. Алексеев, С. С. Теория права / С. С. Алексеев. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Бек, 1995. – 311 с.

3. Шунди́ков, К. В. Механизм правового регулирования: учеб. пособие / К. В. Шунди́ков; под ред. А. В. Малько; М-во образования Рос. Федерации. Саратов. гос. акад. права. – Саратов: Саратов. гос. акад. права, 2001. – 102 с.
4. Об оружии: Закон ЛНР от 11.09.2015 года № 42-II / Официальный сайт Народного Совета ЛНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.nslnr.su/zakonodatelstvo/normativno-pravovaya-baza/1780/?ysclid=luqza61g5i268266767>.
5. Об утверждении Инструкции о порядке изготовления, приобретения, хранения, учета, перевозки и использования огнестрельного <...> оружия, а также боеприпасов к оружию, основных частей оружия и взрывчатых материалов промышленного назначения на территории ДНР: Приказ МВД ДНР № 227 от 06.04.2015 года / ГИС НПА ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0011-227-20150406/> (дата обращения: 07.08.2022).
6. Об утверждении Положения о разрешительной системе и Временного положения о порядке регистрации, хранения и ношения нарезного боевого огнестрельного оружия и боеприпасов к нему: Постановление Совета Министров ДНР № 5-6 от 09.04.2015 г. [Электронный ресурс]. - Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0003-5-6-20150409/?ysclid=luqzf07ub9955998207>
7. Шмидт, А. А. Вопросы государственной политики в сфере оборота оружия / А. А. Шмидт // Юридическая наука и правоохранительная практика – 2017. – № 4(42). – С. 126–132.
8. Об утверждении Инструкции о порядке изготовления, приобретения, хранения, учета, перевозки и использования огнестрельного <...> оружия, а также боеприпасов к оружию, основных частей оружия и взрывчатых материалов промышленного назначения на территории ДНР: Приказ МВД ДНР №227 от 06.04.2015 года // ГИС НПА ДНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gisnpa-dnr.ru/npa/0011-227-20150406/> (дата обращения: 07.08.2022).
9. Об итогах борьбы с незаконным оборотом наркотиков и оружия в 2019 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://sbs-dnr.ru/2020/02/25/mvd-rasskazalo-ob-itogax-borby-s-nezakonnym-oborotom-narkotikov-i-oruzhiya-v-2019-godu/>
10. Таможенные посты между ЛНР и ДНР будут сняты с 1 октября 2021 года / Официальный сайт Государственного таможенного комитета ЛНР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://gtklnr.su/2021/09/07/таможенные-посты-между-лнр-и-днр-будут/>
11. Рукавишников, С. М. Понятие и особенности механизма административно-правового регулирования / С. М. Рукавишников // Правовая политика и правовая жизнь. – 2021. – № 1. – С. 125–132.

THE MECHANISM OF ADMINISTRATIVE AND LEGAL REGULATION OF FIREARMS AND AMMUNITION TURNOVER ON THE EXAMPLE OF THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC AND THE LUHANSK PEOPLE'S REPUBLIC

The article provides a theoretical and legal analysis of the mechanism of administrative and legal regulation of the turnover of weapons and ammunition, examines the main features of this phenomenon in the theory of administrative law and their correlation with the currently operating administrative and legal mechanisms of the turnover of weapons and ammunition in the Donetsk and Lugansk People's Republics. As a result of the theoretical analysis, the study of statistical and practical data, the following problematic issues were considered in the field of the mechanism of legal regulation of the turnover of weapons and ammunition in the LDPR: insufficient legal regulation of this aspect in the Donetsk People's Republic; the problem of interaction of units responsible for regulating the turnover of weapons; the need to establish control over the turnover of pneumatic

Keywords: mechanism, legal regulation, weapons, ammunition, turnover.

Подляскин Антон Андреевич
Заместитель начальника Отдела
вооружения УМТО МВД ДНР,
адъюнкт 3 года обучения ГОО
ВПО «Донецкая Академия
внутренних дел МВД ДНР»
ДНР, г. Донецк
E-mail: Admsud19@mail.ru

Podlyaskin Anton
Deputy Head of the Armament
Department of the UMTD of the
Ministry of Internal Affairs of the
DPR, Adjunct 3 years of Donetsk
Academy of Internal Affairs of the
Ministry of Internal Affairs of the DPR
DPR, Donetsk
E-mail: Admsud19@mail.ru

УДК 351.74/76

Сынкова Е. М.

О ПОНЯТИИ И СУЩНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА

В статье рассматривается роль органов внутренних дел в механизме обеспечения общественного порядка, раскрываются роль органов внутренних дел, а также проблемы реализации правоохранительных функций. Обосновывается, что роль органов внутренних дел заключается в предотвращении правонарушений и преступлений против человека или собственности, а также в их пресечении, контроле и расследовании с точки зрения общественного порядка и нравственности. В целях повышения эффективности деятельности органов внутренних дел подтверждена необходимость участия граждан в обсуждении проектов нормативных актов в сфере охраны общественного порядка.

Ключевые слова: обеспечение общественного порядка, органы внутренних дел, функции, законность, участие граждан в государственном управлении.

Надлежащий уровень функционирования системы безопасности и обороны государства, гарантирования благосостояния граждан, защита их прав и свобод обеспечивается эффективной деятельностью органов государственной власти, правоохранительных органов, включая органы внутренних дел Российской Федерации.

Деятельность органов внутренних дел (далее – ОВД) в настоящее время все чаще рассматривается как один из видов услуг, которые предоставляются государством населению и обществу, является актуальным переход от понимания деятельности органов внутренних дел как карательной к пониманию этой деятельности предоставление помощи обществу и населению в преодолении такого негативного явления как преступность. В связи с этим актуальным является выяснение понятия и сущности деятельности ОВД.

© Сынкова Е. М., 2022

Очень важно понимать, что можно ставить стратегические задачи перед ОВД, но до тех пор, пока каждый гражданин страны не почувствует, что органы внутренних дел защищает и его отдельно, ее деятельность не будет эффективной.

Вопросы правового обеспечения общественного порядка нашли отражение в Конституции РФ и нормативных актах [1–3]. Проблемы обеспечения общественного порядка активно освещены в работах ученых-юристов: Г. В. Грешновой, А. А. Журавлева, Н. М. Кононова, А. В. Куяновой, А. Е. Юрицына и других [4–11]. В то же время в большинстве публикаций акцентировано внимание на таких аспектах деятельности органов внутренних дел как привлечение к ответственности за нарушение общественного порядка. В настоящее время условия для объективного исследования этой деятельности, сравнительного анализа отечественного опыта с достижениями других стран мира относительно формирования партнерских отношений с населением.

Представляется важным исследование деятельности органов внутренних дел, учитывая тот факт, что в настоящее время требуются реальные результаты в коренном изменении психологии работников органов внутренних дел, в искоренении духа коррупции в органах внутренних дел, реальное увеличение доверия общества и населения к сотрудникам органов внутренних дел. В совокупности с реальной технической, кадровым и правовым переоснащением органов внутренних дел важно получение результата – реальной эффективной деятельности органов внутренних дел.

Цель статьи состоит в анализе понятия и сущности деятельности ОВД в современных условиях.

Безопасное общество является необходимым условием свободной жизни и свободной экономической деятельности. Только тогда, когда государство гарантирует своим гражданам внутреннюю безопасность, становится возможной свободная деятельность и будет осуществляться социальное развитие. Создание общества, в котором люди могут жить безопасно и спокойно, является желанием всех граждан, и это самая основная обязанность государства.

В целях повышения «безопасности» и обеспечения прочной основы для жизни людей принимаются нормативные акты в данной сфере, обеспечивающие «стабильную безопасность», регламентирующие деятельность органов внутренних дел, осуществляемую в соответствии

с законом. Основная роль ОВД заключается в предотвращении правонарушений и преступлений против человека или собственности, а также в пресечении, контроле и расследовании преступлений с точки зрения общественного порядка и нравственности в обществе [4, с. 141].

Переосмысление приоритетов во внутренней и внешней политике, геополитические и геостратегические изменения в государстве стали требовать новых подходов к собственной системе обеспечения внутренней безопасности государства, ключевым элементом которой выступает деятельность органов внутренних дел.

Ухудшению уровня общественной безопасности способствуют рост уличной преступности и краж со взломом, участвовавшие случаи насильственных преступлений среди несовершеннолетних, ухудшение, организация и распространение преступлений, совершаемых иностранцами по всей стране. В дополнение к преступлениям, связанным с наркотиками и огнестрельным оружием, также возрастает угроза организованной преступности.

Общественный порядок – это нормальное функционирование социальных отношений, отсутствие рисков и угроз, которые могут нарушить нормальную жизнедеятельность людей [5, с. 25]. Понятие «общественного порядка» непосредственно связано с состоянием социального порядка в стране, и когда он стабилен, его называют «безопасным». Поддержание этой стабильности и есть поддержание общественного порядка.

Охрана общественного порядка рассматривается учеными как система общественных отношений между людьми, правил их взаимного поведения и общежития, регулируемых правовыми и нравственными нормами [6, с. 345].

Охрана общественного порядка рассматривается также как деятельность органов внутренних дел и иных правоохранительных органов, связанная с обеспечением охраны общественного порядка, права физических лиц на здоровье, жизнь, на общественное спокойствие, соблюдение законных интересов, свобод и прав.

В деятельности ОВД А. Е. Куянова и А. К. Юрицын видят социально-правовую категорию, которая направлена на обеспечение соблюдения социальных норм (норм права, морали, общепринятых правил общения и поведения) и представляет собой систему общественных отношений, защищенность которых гарантируется всей политической силой государства и общества [7, с. 5].

Э. Н. Лыков определяет деятельность ОВД как обеспечение порядка и правил поведения в общественных местах, установленного государством [8, с. 134].

Г. В. Грешнова, подчеркивает, что общественный порядок ориентирован на обеспечение как личной, так и общественной безопасности, и обусловлен соответствующими потребностями общества [9, с. 91].

Деятельность ОВД в указанной сфере рассматривается «как совокупность волевых общественных отношений, которые обеспечивают слаженную и устойчивую совместную жизнь людей» [10, с. 24].

Деятельность ОВД определяется также как «система общественных отношений, установление, развитие и охрана которых обеспечивают поддержание состояния личного и общественного спокойствия граждан» [11, с. 44].

Общественный порядок некоторые авторы рассматривают как систему общественных отношений, которая формируется в результате совокупного воздействия всех действующих в обществе социальных принципов и норм на процессы общественной жизни, обращая внимание на то, что общественный порядок представляет собой широкую категорию, содержание которой определяется системой политических отношений.

Рассмотренные выше определения характеризуют понятие общественного порядка в широком смысле. Однако в этом случае общественный порядок выступает как социальная и как юридическая категория.

Изменение отношения к органам внутренних дел, рост доверия населения к их деятельности, желание молодежи пойти на службу в ОВД, преодоление коррупции в рядах сотрудников органов внутренних дел, техническое переоснащение и реальная, а не показательная эффективность деятельности органов внутренних дел Российской Федерации свидетельствует о необходимости детального исследования деятельности органов внутренних дел. Таким образом, исследование деятельности реформирования в органах внутренних дел имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение.

Современная модель демократического, социального и правового государства в Российской Федерации нуждается в новых концептуальных подходах относительно решения проблем осуществлении правоохранительной функции.

В научном аспекте исследования проблем реформирования деятельности органов внутренних дел Российской Федерации связано с анализом, в первую очередь, их деятельности. В этом плане является важным понимание, на какой правовой основе построена деятельность органов внутренних дел Российской Федерации. Отмеченный вопрос построен на изучении теоретических основ правоохранительной деятельности, регламентации ее в законах и подзаконных актах, в определенные роли Министерства внутренних дел в подготовке отдельных нормативно правовых актов, которые регламентируют деятельность органов внутренних дел Российской Федерации.

Деятельность органов внутренних дел составляет одно из важнейших направлений обеспечения общественного порядка и безопасности в государстве.

Охрана общественного порядка непосредственно связана с обеспечением прав человека, которые в соответствии с Конституцией РФ определяются в РФ как одна из наивысших социальных ценностей. Поэтому преступления против общественного порядка признаются опасными для общества. В основе охраны общественного порядка как направления деятельности ОВД находится естественное право людей на жизнь и ее защиту, закрепленное Конституцией Российской Федерации. Поэтому общественный порядок отнесен законодателем к числу основополагающих ценностей (объектов), правовое обеспечение охраны которых является одной из задач ОВД.

В связи с тем, что охрана общественного порядка является самой необходимой из потребностей, одним из главных показателей жизни, в законодательстве регламентируется ответственность за проступки и преступления в сфере общественного порядка в той степени, в которой это необходимо, а также полномочия и функции органов, призванных гарантировать охрану общественного порядка в государстве [12, с. 59].

Сферу деятельности ОВД составляют преимущественно отношения, которые формируются и развиваются в общественных местах, к которым относятся, в первую очередь, места проживания, общего отдыха и труда, а также взаимодействия людей с целью удовлетворения различных жизненных потребностей. Наряду с различной трактовкой общественного порядка в законодательстве и юридической литературе его понятие используются и в более узких значениях, прежде всего в практической деятельности по охране общественного порядка, когда рассматривается не вся система общественных отношений, а лишь

отдельная совокупность отношений, возникающих в отдельных сферах общественной жизни.

Общественный порядок направлен на обеспечение безопасности граждан, защиту их прав и свобод, охрану всех форм собственности, нормальные условия труда и быта.

ОВД являются важнейшим субъектом реализации правоохранительной функции государства, имеют в распоряжении большой арсенал организационных и юридических средств обеспечения правопорядка. Субъектом правоохранительной деятельности наряду с государством может выступать и отдельный гражданин, либо социальный коллектив, и, в этом случае деятельность ОВД приобретает характер общественной деятельности.

Характеризуя понятие правовой охраны общественного порядка, следует исходить из того, что – это подзаконная исполнительно-распорядительная деятельность государственных, правоохранительных органов, местного самоуправления и населения, целью которой является создание условий для обеспечения законных интересов, свобод и прав физических и юридических лиц, защиты этих прав, создания для широкой общественности условий правового комфорта, которые заключаются в недопущении нарушения законных интересов, прав и свобод лиц в общественных местах, а, также в обеспечении административного надзора и применении средств административного принуждения к правонарушителям режима общественного порядка.

В то же время изучение практики взаимодействия государственных и правоохранительных органов и населения позволяет выявить наличие следующей проблемы: с одной стороны, возрастает потребность в совершенствовании взаимодействия правоохранительных органов, в том числе, ОВД и общественности, а с другой стороны, – сложившийся на сегодняшний день уровень этого сотрудничества нельзя считать полностью соответствующим современным условиям развития РФ как демократического государства [13, с. 44].

Формирование в РФ правовой доктрины в сфере деятельности ОВД, может рассматриваться как многомерный и сложный процесс, который ориентирован на развитие, формирование и совершенствование законодательства РФ в сфере организации деятельности ОВД, средств, механизмов и инструментов обеспечения охраны общественного порядка. В процессе становления демократического государства и развития общественных отношений необходимость реформирования

правовой доктрины деятельности ОВД как субъектов в сфере обеспечения охраны общественного порядка возрастает, что связано с необходимостью повышения эффективности общественных отношений, стабильности их функционирования и реформирования структуры, функций и полномочий всех органов, в компетенцию которых входит реализация публичной функции по обеспечению общественного порядка.

По результатам анализа криминогенной обстановки важно продвигать добровольную деятельность по предупреждению преступности, предоставляя информацию о том, где и какие преступления совершаются в знакомом жителям районе, а также информацию о том, на что следует обратить внимание в мерах по профилактике правонарушений, используя географические информационные системы и т.д., используя различные средства массовой информации, такие как веб-сайты, электронная почта, мобильная почта, кабельное телевидение [15, с. 44]. Поощрение связей с общественностью и информационно-просветительской деятельности в целях повышения осведомленности общественности о предупреждении преступности. Что касается таких инициатив, как добровольное патрулирование, информационно-разъяснительная работа, установка охранных фонарей, а также подготовка кадровых ресурсов, необходимых для такой деятельности, и создание сети организаций-исполнителей, мы будем и далее активизировать эту деятельность путем укрепления сотрудничества с соответствующими государственными органами и усиления мер поддержки, таких как предоставление ноу-хау и информации, оборудования и оборудования, а также частичное бремя расходов.

В рамках общероссийской кампании по обеспечению общественной безопасности соответствующие организации и организации, участвующие в мероприятиях по обеспечению общественной безопасности, будут еще больше укреплять свое сотрудничество друг с другом и проводить патрулирование, диагностику преступности, связи с общественностью и мероприятия по повышению осведомленности в целях предупреждения преступности и т. д. с целью распространения и организации мероприятий по обеспечению общественной безопасности. Кроме того, в целях построения общества, свободного от преступности и правонарушений, мы будем продвигать мероприятия по предупреждению преступности, а также еще больше

углублять понимание общественностью криминогенной ситуации и системы уголовного правосудия с помощью мобильных классов сотрудников полиции, прокуроров, сотрудников по связям с общественностью и т.д.

В данном случае жизненно важна слаженная координация работы органов внутренних дел посредством обмена информацией и совместной работы, но для того, чтобы надлежащим образом реагировать на растущую интернационализацию и изощренность преступности, более чем по-прежнему требуется дальнейшее сотрудничество и эффективное использование информации за пределами «барьеров между министерствами и ведомствами».

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202210060013>.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: федеральный закон от 30 декабря 2001 года №195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
3. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 № 144-ФЗ (ред. от 29.12.2022) // Собрание законодательства РФ. – 1995. – №160. – Ст. 3349.
4. О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 года № 3-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. – 2011. – № 7. – Ст. 900.
5. Семенов, Ю. Н. Способы охраны общественного порядка с использованием искусственного интеллекта с применением метода «мозаичной войны» / Ю. Н. Семенов // Вопросы деятельности служб и подразделений органов внутренних дел Российской Федерации: Сб. научных трудов. Т. 2. Вып. 3. – Тверь: Тверской государственный университет, 2021. – С. 141–145.
6. Хлебосолова, М. И. Проблемы соотношения правопорядка и общественного порядка / М. И. Хлебосолова, М. М. Анахин // Актуальные проблемы науки и практики. – 2021. – № 2. – С. 25–28.
7. Надутый, В. Ю. Органы внутренних дел как субъект обеспечения охраны общественного порядка и общественной безопасности: административно-правовой статус / В. Ю. Надутый // Сборник научных работ серии «Право». – 2022. – № 2(26). – С. 34–44.

8. Куянова, А. Е. Административно-правовые основы деятельности полиции по охране общественного порядка и общественной безопасности / А. Е. Куянова, А. К. Юрицын // Вестник Омской юридической академии. – 2014. – № 2(23) – С. 4–7.
9. Лыков, Э. Н. Общественный порядок и возникновение полиции / Э. Н. Лыков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. – 2021. – № 2(56). – С. 154–160.
10. Грешнова, Г. В. Проблемы обеспечения охраны общественного порядка в современной России / Г. В. Грешнова, И. Г. Воробьев // Актуальные вопросы административной деятельности органов внутренних дел: материалы всероссийской научно-практической конференции, Нижний Новгород, 31 марта 2021 года. – Нижний Новгород, 2021. – С. 91–96.
11. Журавлев, Р. А. Понятие и содержание общественной безопасности как приоритета национальной безопасности / Р. А. Журавлев // Рос. следователь. – 2012. – № 9. – С. 44–47.
12. Кононов, А. М. О некоторых актуальных задачах совершенствования административно-правового регулирования сферы охраны общественного порядка в Российской Федерации / А. М. Кононов // Административное право и процесс. – 2017. – № 8. – С. 24–29.
13. Очуров, А. А. Некоторые особенности обеспечения охраны общественного порядка и общественной безопасности на транспорте / А. А. Очуров, В. В. Ткаченко // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 97–6. – С. 59–61.
14. Куракин, А. В. Административно-правовое регулирование участия граждан в правоохранительной деятельности по обеспечению общественного порядка в Республики Таджикистан / А. В. Куракин // Современное право. – 2021. – № 8. – С. 144–146.
15. Тюнь, А. П. Доверие к полиции в российском обществе: значение, актуальные вопросы, перспектива / А. П. Тюнь // Вестник АГУ. – 2021. – Вып. 1(274). – С. 91–96.

ON THE CONCEPT AND ESSENCE OF THE ACTIVITIES OF MINORAL AFFAIRS BODIES IN THE FIELD OF PROTECTION OF PUBLIC ORDER

The article examines the role of internal affairs bodies in the mechanism for ensuring public order, reveals the role of internal affairs bodies, as well as the problems of implementing law enforcement functions. It is substantiated that the role of the internal affairs bodies is to prevent offenses and crimes against people or property, as well as to suppress, control and investigate them from the point

of view of public order and morality. In order to increase the efficiency of the activities of internal affairs bodies, the need for citizen participation in the discussion of draft regulations in the field of public order protection has been confirmed.

Keywords: ensuring public order, internal affairs bodies, functions, legality, participation of citizens in public administration.

Сынкова Елена Михайловна

доктор юридических наук,
доцент, профессор кафедры
административного
и финансового права
ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: osyn@inbox.ru

Synkova Elena

Doctor of Law, Associate
Professor, Professor of the
Department of Administrative and
Financial Law of Donetsk
National University
DPR, Donetsk
E-mail: osyn@inbox.ru

УДК 347.132.1

Финкина А. П.

Бакуров А. В.

ОСОБЕННОСТИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЭЛЕКТРОННОЙ ПОДПИСИ В ДОГОВОРНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Работа посвящена анализу нормативно-правовых актов Российской Федерации, регулирующих использование электронной подписи в договорных отношениях. Электронные документы, заверенные электронной подписью, признаны равнозначными бумажному аналогу и находят широкое применение. Определено, что законодательно её наиболее защищенным видом является квалифицированная электронная подпись. Опыт правового регулирования использования электронной подписи может быть применен при разработке наднационального закона в области регулирования цифровых технологий и предпринимательской деятельности в Евразийском экономическом союзе.

Ключевые слова: сделки, электронный документооборот, электронная подпись, квалифицированная электронная подпись, удостоверяющий центр.

Сегодня стремительно развивается цифровая среда, которая оказывает значительное влияние на экономику, политику, социальные интересы общества. В настоящее время в России принята Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [1]. Актуальным направлением по её реализации является развитие электронного документооборота в хозяйственной деятельности, именно ему отдается предпочтение в современных правоотношениях, особенно в связи с пандемией COVID-19. Следует отметить, что принятая программа цифровизации экономики способствует реализации Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [2].

Одним из целевых показателей данной Стратегии является повышение темпов роста валового регионального продукта субъектов

© Финкина А. П., Бакуров А. В., 2022

РФ, в том числе приграничных геостратегических территорий, граничащих со странами, входящими в Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Основная цель ЕАЭС – всесторонняя экономическая интеграция, которая позволит обеспечить развитие экономики государств-участников на основе здоровой конкуренции и сбалансированной торговли [3, с. 48]. Расширение внешнеторгового сотрудничества возможно при унификации договорно-правовой базы и институтов, формирующих правовую основу ЕАЭС [4, с. 140]. В настоящее время в ЕАЭС нет единого нормативно-правового акта, который бы регулировал внешнеторговые отношения участников предпринимательской деятельности. Подобный нормативно-правовой акт позволил бы наращивать внешнеторговый оборот, что способствовало бы решению как основной задачи ЕАЭС, так и реализации Стратегии пространственного развития РФ.

При его разработке актуальным является учитывать уже имеющийся опыт членов ЕАЭС, а также современные тенденции, которые несет с собой цифровая экономика, в том числе в сфере электронного документооборота. В настоящее время при заключении сделок в письменной форме накапливается опыт использования электронного документооборота и, в частности, квалифицированной электронной подписи.

Цель исследования заключается в анализе нормативно-правовых актов Российской Федерации, регулирующих использование электронной подписи в договорных отношениях.

Цифровизация затрагивает не только экономику, но и остальные аспекты жизнедеятельности любого государства, и его отдельных граждан. Так, согласно принятой Цифровой повестке ЕАЭС до 2025 г., цифровая трансформация затронет все отрасли экономики государств-членов, рынок товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов. Тарасова А.Е. считает, что в качестве модели правового регулирования цифровой экономики в сфере предпринимательской деятельности в ЕАЭС необходима разработка наднационального закона в области регулирования цифровых технологий ЕАЭС и создание прикладных инструментов для предпринимательской деятельности в ЕАЭС [5, с. 115].

Следовательно, перспективным является изучение имеющегося законодательного опыта в сфере регулирования цифровых прав,

электронного документооборота, в том числе и в использовании электронной подписи в договорных отношениях. В рамках настоящей статьи рассмотрим имеющийся в этой сфере права законодательный опыт РФ.

Специальным нормативно-правовым актом, регулирующим правоотношения, связанные с получением электронной цифровой подписи, является Федеральный закон от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ «Об электронной подписи» (далее – ФЗ № 63). Сферой его действия являются отношения в области использования электронных подписей при совершении гражданско-правовых сделок, оказании государственных и муниципальных услуг, исполнении государственных и муниципальных функций, при совершении иных юридически значимых действий [6].

Важно отметить, что определение «цифровым правам» и их регулирование в гражданском праве РФ было дано Федеральным законом от 18 марта 2019 года № 34-ФЗ. Им были внесены изменения в Гражданский кодекс РФ, в его части первую, вторую и в ст. 1124 части третьей, касающиеся регулирования цифровых прав. Законом установлено, что сделка в письменной форме может совершаться «с помощью электронных либо иных технических средств...» [7].

Принятие именно этого закона способствовало гармонизации законодательства. Например, после внесения изменений в соответствующие части ГК РФ, анализируя п. 2 ст. 434 ГК РФ [8], а также ст. 6 и п. 2 ст. 9 ФЗ «Об электронной подписи» делаем вывод, что договор, заключенный посредством составления электронного документа, подписанного электронной подписью, надлежит относить к сделкам, совершенным в письменной форме.

Следует отметить, что помимо трактовки основных понятий, используемых в нем, ФЗ № 63 устанавливает два вида электронной подписи – простую и усиленную электронную подпись. Усиленная подпись может быть, как квалифицированной подписью, если сертификат ключа проверки издан аккредитованным удостоверяющим центром, так и неквалифицированной. Для последней не требуется создания сертификата ключа проверки электронной подписи.

Также данный закон устанавливает функции удостоверяющего центра (ст. 13) и функции аккредитованного удостоверяющего центра (ст. 15). Согласно ст. 15 ФЗ № 63, не требуется процедуры аккредитации для признания аккредитованными для удостоверяющих центров

Центрального банка РФ, а также для федеральных органов исполнительной власти: уполномоченных на осуществление государственной регистрации юридических лиц; уполномоченных на правоприменительные функции по обеспечению исполнения федерального бюджета, казначейскому обслуживанию исполнения бюджетов бюджетной системы РФ.

Пожалуй, это одна из наиболее изменяемых статей настоящего закона, так по особенностям аккредитации государственных органов - удостоверяющих центров неоднократно вносились изменения. В частности, Федеральным законом «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электронной подписи» и статью 1 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 27.12.2019 г. № 476-ФЗ (далее – ФЗ № 476) [9].

Согласно ч. 6 ст. 3, аккредитованный период для госорганов сокращен до 2-х лет и, согласно ч. 5 этой же статьи, сроки действия аккредитаций, полученных ранее, ограничиваются периодом не позднее 1 января 2022 г. Причем, данный ФЗ неоднократно редактировался. Его изменяющими документами стали: Федеральные законы от 08.06.2020 № 166-ФЗ, от 23.06.2020 № 183-ФЗ, от 24.02.2021 № 20-ФЗ, от 24.03.2021 № 50-ФЗ, от 30.12.2021 № 443-ФЗ. В последних редакциях закона для сертификатов ключа проверки квалифицированной электронной подписи, выданных ранее, но не позднее 1 июля 2021 г. (ч. 3 ст. 3 ФЗ № 476), ограничены сроки действия периодом не позднее 31 декабря 2022 г (ч. 2.7 ст. 3 ФЗ № 476). Сроки действия сертификатов ключа проверки квалифицированной электронной подписи (далее, квалифицированного сертификата электронной подписи), которые были выданы аккредитованными удостоверяющими центрами ранее, т.е. до дня вступления в силу ФЗ № 476, согласно его ч. 4 ст. 3 ограничены сроком не позднее 1 января 2022.

Таким образом, деятельность аккредитованных удостоверяющих центров подлежит ревизии и контролю. Отметим, что, прежде всего речь идет о легитимности квалифицированной электронной подписи при участии в договорных правоотношениях. Об актуальности данной проблемы также можно судить, анализируя имеющиеся редакции Федерального закона «Об электронной подписи» от 6 апреля 2011 г. № 63-ФЗ.

В более ранний период своего действия данный основной закон претерпевал изменения, расширявшие сферу действия электронного документооборота. В частности, согласно п. «б» ст. 1 ФЗ от 30.12.2015 № 445 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электронной подписи» она расширена путем замены п. 7 ст. 2 ФЗ № 63 словами «индивидуальный предприниматель либо государственный орган или орган местного самоуправления» [10].

Расширению электронного документооборота служит и ч. 3 ст. 1 ФЗ от 30.12.2015 № 445, распространившая признание электронных документов, заверенных электронной подписью, как равнозначных бумажному аналогу для применения «в любых правоотношениях в соответствии с законодательством Российской Федерации».

Интересно отметить, что используемый позднее в законодательстве термин «квалифицированный сертификат», был предложен в п. 1) а ст. 1 ФЗ от 30.12.2015 № 445 вместо «квалифицированный сертификат ключа проверки электронной подписи». В его определении указывалось, что он может быть создан лишь «аккредитованным удостоверяющим центром либо федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным в сфере использования электронной подписи (далее – уполномоченный федеральный орган)».

Также данный закон наделял новыми полномочиями федеральные органы власти в сфере использования электронной подписи. Так, для определенного Правительством уполномоченного федерального органа, осуществляющего, согласно п. 1 ч. 2 ст. 8 ФЗ № 63, по отношению к аккредитованным удостоверяющим центрами функции головного удостоверяющего центра, в п. 4) а ст. 1 ФЗ от 30.12.2015 № 445 были расширены его полномочия.

Согласно п. 4) в ст. 1 ФЗ от 30.12.2015 № 445 были введены п. 4 и п. 5 ч. 4 ст. 8 ФЗ № 63, определяющие новые полномочия головного удостоверяющего центра в отношении формирования требований к функциям аккредитованных удостоверяющих центров и аккредитованных доверенных третьих сторон, а также формировать формат электронной подписи, обязательный для реализации всеми средствами электронной подписи. Этим же законом в основной закон был введен п. 1 ч. 5 ст. 8, наделивший федеральный орган исполнительной власти в области безопасности полномочиями согласования с головным удостоверяющим центром требований, устанавливаемых им к форме квалифицированного сертификата и

правил подтверждения владения ключом электронной подписи [9]. Следовательно, в настоящее время сформирована структура и четко определены полномочия на всех уровнях удостоверяющих центров.

Редакции основного закона также стандартизировали сам процесс получения квалифицированной электронной подписи. Согласно Федеральному закону от 30.12.2015 № 445 в основной закон введена ч. 2.1 ст. 15, обязавшая аккредитованный удостоверяющий центр использовать для заверения выдаваемых им квалифицированных сертификатов его квалифицированную электронную подпись, полученную от головного удостоверяющего центра для подписания именно таких сертификатов. Запрещено использовать её для подписания сертификатов, не являющихся квалифицированными. Этим же законом была введена ч. 5 ст. 15 основного закона, обязывающая аккредитованный удостоверяющий центр соблюдать «порядок реализации функций» и исполнять его обязанности «в соответствии с требованиями, утвержденными уполномоченным федеральным органом...». Тогда же было запрещено наделять третьи лица «полномочиями по созданию ключей квалифицированных электронных подписей и квалифицированных сертификатов от имени такого аккредитованного удостоверяющего центра» (ч. 6 ст. 15 ФЗ № 63).

Более поздние редакции основного закона ужесточали требования по аккредитации удостоверяющих центров и усиливали ответственность таковых. В частности, ч. 6.1 и 6.2 ст. 15 «Аккредитованный удостоверяющий центр», введенные в основной закон согласно Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «Об электронной подписи» и статью 1 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» от 27.12.2019 № 476-ФЗ [9].

Примечательно, что и в сами изменяющий основной закон нормативно-правовые акты также вносились изменения и дополнения (дважды в 2020 г. и трижды в 2021 г.). Также ФЗ № 476 введены пункты 1.1 и 6 части 3 ст. 16 «Аккредитация удостоверяющего центра» ФЗ № 63. В результате в качестве обязательных требований к удостоверяющим центрам, претендующих на получение аккредитации, необходимо наличие лицензии «на деятельность по разработке, производству, распространению шифровальных (криптографических) средств, ...». Этим же законом увеличен финансовый капитал,

необходимый для финансового обеспечения ответственности за возможные убытки, причиненные третьим лицам вследствие их доверия к информации, указанной в сертификате ключа проверки электронной подписи, выданном аккредитованным удостоверяющим центром (п. 2 ч. 3 ст. 16 ФЗ № 63). Также им внесены изменения относительно ответственности в процессе деятельности аккредитованных удостоверяющих центров. Так, его пункт 10) д ст. 1 расширяет круг ответственных лиц, дополняя ч. 7 ст. 15 основного закона: «(работник аккредитованного удостоверяющего центра, доверенные лица и их работники)», также расширяя виды ответственности, вводя помимо гражданско-правовой и (или) административной, в том числе и уголовную ответственность.

Отметим, что на протяжении всего периода действия основного закона «Об электронной подписи» чаще всего изменения вносились в сфере регулирования именно квалифицированной электронной подписи. Причем изначально законом были определены границы полномочий удостоверяющих центров, не требующих аккредитации, а именно, им вменялась возможность создания сертификатов ключей проверки электронных подписей и выдача таких сертификатов заявителям в отношении усиленных неквалифицированных электронных подписей (п. 1 ч. 1 ст. 13 ФЗ № 63).

Примечательно, что за все эти годы статья 9 «Об использовании простой электронной подписи» ФЗ № 63 не претерпела ни одной правки.

Действительно, наиболее динамически развивающейся частью действующего законодательства в сфере электронного документооборота и электронной подписи, являются вопросы, связанные с созданием квалифицированной электронной подписи и квалифицированного сертификата ключа проверки электронной подписи. Вероятно, именно этот вид электронной подписи и будет определяющим в договорных отношениях при переходе к электронному документообороту.

Заключение. Правоотношения в сфере квалифицированной электронной подписи активно развиваются. Так, ФЗ № 476 действующий основной закон был дополнен целым рядом основополагающих статей. В частности:

– ст. 17.1. «Использование квалифицированной электронной подписи при участии в правоотношениях физического лица»;

– ст. 17.2 «Использование квалифицированной электронной подписи при участии в правоотношениях юридических лиц, лиц, замещающих государственные должности РФ, государственные должности субъектов РФ, должностных лиц государственных органов, органов местного самоуправления, их подведомственных организаций, а также нотариусов;

– ст. 17.3. «Использование квалифицированной электронной подписи при участии в правоотношениях индивидуальных предпринимателей»,

– ст. 17.4. «Использование квалифицированной электронной подписи при участии в правоотношениях государственных органов или органов местного самоуправления»;

– ст. 17.5 «Оформление доверенностей, необходимых для использования квалифицированной электронной подписи».

Учитывая тенденцию к расширенному использованию электронного документооборота в межгосударственных коммерческих отношениях, прежде всего в рамках ЕАЭС, в качестве перспективных направлений видится изменение статьи 7 Федерального закона «Об электронной подписи». За весь период действия закона, ст. 7 «Признание электронных подписей, созданных в соответствии с нормами иностранного права и международными стандартами» редактировалась один раз. Возможно, что её можно было бы дополнить специальной частью, регламентирующей признание электронной подписи, созданной в соответствии с нормами права ЕАЭС. Данное нововведение видится необходимым, поскольку роль электронного документооборота растёт с каждым днем и постепенно вытесняет привычные консервативные формы документооборота.

Очевидно, что данный законотворческий опыт Российской Федерации может быть полезен при создании единого нормативно-правового акта, регулирующего внешнеторговые отношения между участниками предпринимательской деятельности в рамках ЕАЭС в области электронного документооборота.

Список источников

1. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» / Официальный сайт Правительства РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf> (дата обращения: 01.12.2022). – Загл. с экрана.

2. Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года: Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р (ред. от 25.06.2022) / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_318094/006fb940f95ef67a1a3fa7973b5a39f78dac5681/ (дата обращения: 01.12.2022). – Загл. с экрана.
3. Кашкин, С. Ю. Российская Федерация и развитие интеграционных процессов в современном мире: проблемы и перспективы / С. Ю. Кашкин // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. – 2020. – № 1(31). – С. 47–54.
4. Губарец, Д. П. Организационная структура Евразийского экономического союза: международно-правовые аспекты / Д. П. Губарец // Современное право. – 2019. – № 5. – С. 139–146.
5. Тарасова, А. Е. Методология исследования правового регулирования предпринимательской деятельности в Евразийском экономическом союзе А. Е. Тарасова, Д. В. Козлов, А. В. Шиянов // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – Т. 17. – № 1. – С. 102–125.
6. Об электронной подписи: Федеральный закон от 6 апреля 2011 года № 63-ФЗ / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_112701/ (дата обращения: 01.09.2022). – Загл. с экрана.
7. О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 18.03.2019 г. № 34-ФЗ / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_320398/ (дата обращения: 01.09.2022). – Загл. с экрана.
8. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021, с изм. от 08.07.2021) / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 01.10.2022). Загл. с экрана.
9. О внесении изменений в Федеральный закон «Об электронной подписи» и статью 1 Федерального закона «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля»: Федеральный закон от 27.12.2019 № 476-ФЗ / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_341757/ (дата обращения: 01.10.2022). – Загл. с экрана.
10. О внесении изменений в Федеральный закон «Об электронной подписи»: Федеральный закон от 30.12.2015 № 445-ФЗ / СПС «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_191492/ (дата обращения: 01.10.2022). – Загл. с экрана.

FEATURES AND PROSPECTS OF USING AN ELECTRONIC SIGNATURE IN CONTRACTUAL RELATIONS

This work is devoted to the analysis of regulatory legal acts of the Russian Federation regulating the use of electronic signatures in contractual relations. Electronic documents certified with an electronic signature are recognized as equivalent to a paper analogue and are widely used. It is determined that legally its most protected type is a qualified electronic signature. The experience of legal regulation of the use of electronic signatures can be applied in the development of a supranational law in the field of regulation of digital technologies and entrepreneurship in the Eurasian Economic Union.

Keywords: transactions, electronic document management, electronic signature, qualified electronic signature, certification center.

Финкина Анна Павловна

старший преподаватель кафедры
гражданского права и процесса
ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: a.finkina@donnu.ru

Finkina Anna

Senior Lecturer at the Department
of Civil Law and Procedure
of Donetsk National University
DPR, Donetsk
E-mail: a.finkina@donnu.ru

Бакуров Андрей Владимирович

студент юридического
факультета
ГОУ ВПО «Донецкий
национальный университет»
ДНР, г. Донецк
E-mail: 32023@mail.ru

Bakurov Andrey

law student of Donetsk National
University
DPR, Donetsk
E-mail: 32023@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. В печать принимаются научные статьи на русском и английском языках, которые имеют необходимые элементы:

 постановка проблемы в общем виде и её связь с важнейшими научными и практическими задачами;

 анализ последних достижений и публикаций, в которых рассмотрена данная проблема и на которые ссылается автор, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы, на решение которых направлена данная статья;

 формулирование цели и постановка задач;

 изложение основного материала исследования с полным обоснованием полученных научных результатов;

 выводы из этого исследования и перспективы дальнейших исследований в данном направлении.

2. Основной текст статьи – шрифт Times New Roman, размер 14 пт., с выравниванием по ширине. Аннотация (до 500 знаков с пробелами; ориентировочно 10 строк), ключевые слова (не менее 5), список литературы, таблицы, подрисуночные подписи – шрифт Times New Roman, размер 12 пт. Без автоматической расстановки переносов. Таблицы располагаются по тексту строго в пределах печатного поля книжной ориентации страниц после первого упоминания. Каждый рисунок имеет подпись (не совмещенную с рисунком), а таблица – заглавие (выравнивание – по центру). Все рисунки и таблицы должны быть последовательно пронумерованы арабскими цифрами. Сканированные рисунки не принимаются. При наличии рисунков и таблиц их необходимо предоставлять в отдельном файле с возможностью редактирования.

3. Объем статьи — 7–10 страниц печатного текста формата А4. Поля: левое – 3,0 см, нижнее – 1,5 см, правое – 1,5 см, верхнее – 2,0 см. Междустрочный интервал – полуторный. Абзацный отступ – 1,25 см.

4. Текст рукописи должен соответствовать следующей структурной схеме:

 – Индекс УДК в верхнем левом углу страницы (14 кегль, без абзацного отступа).

 – НАЗВАНИЕ статьи — полужирный, выравнивание по центру без абзацного отступа (прописными буквами без переноса слов, 14 кегль);

 – Через строчку: аннотация на русском языке, которая должна кратко отражать цели и задачи проведенного исследования, а также его основные

результаты и ключевые слова. Таким же образом оформленные аннотация и ключевые на английском языке (12 кегль, абзацный отступ 1,25, выравнивание по формату, одинарный интервал);

– В конце статьи копирайт ©, фамилия и инициалы автора(ов), год (12 кегль, выравнивание по правому краю);

– Словосочетание СПИСОК ИСТОЧНИКОВ (полужирный, все прописные, 12 кегль без абзацного отступа с выключкой по левому краю). Перечень литературных источников (СПИСОК ИСТОЧНИКОВ) приводится общим списком в конце рукописи в порядке появления ссылок в тексте (а не в алфавитном порядке) на языке оригинала и оформленные в соответствии с ГОСТ 7.1-2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание». Ссылка на источник дается в тексте статьи и оформляется в квадратных скобках ([5, с. 22]). Ссылки допускаются только на опубликованные работы по исследуемому вопросу. Не следует ограничиваться цитированием работ, принадлежащих только одному коллективу авторов или исследовательской группе. Желательны ссылки на современные зарубежные публикации.

5. В конце статьи обязательно указываются следующие сведения об авторах: фамилия, имя, отчество всех авторов полностью (на русском и английском языке); ученая степень и звание (на русском и английском языке); полное название организации – место работы каждого автора в именительном падеже, страна, город (на русском и английском языке); адрес электронной почты каждого автора и телефон для контактов.

6. Текст статьи должен быть тщательно выверен, без орфографических ошибок. Сокращения слов, кроме общепринятых, не допускаются или обязательно даётся их расшифровка.

7. Если статья подается на английском языке, то прилагается её русский вариант.

8. Аспиранты и соискатели вместе со статьей подают рецензию научного руководителя.

9. Авторы научных статей несут персональную ответственность за наличие элементов плагиата в текстах статей, в т. ч. за полноту и достоверность изложенных фактов и положений. К статье в обязательном порядке прилагается отчет о проверке научной работы на уникальность и поиск заимствований.

10. Рукопись проходит независимое анонимное рецензирование специалистами на предмет научной ценности статьи, её соответствия профилю и требованиям журнала. По рекомендации рецензентов редколлегия принимает решение о возможности и условиях опубликования статьи.

11. Публикация статей в журнале бесплатная.

Научное издание

**Вестник Донецкого национального
университета.**

Серия Е: Юридические науки

2022. – № 3

Технический редактор: А. К. Ярошенко

Адрес редакции:

ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,

ул. Университетская, 24, 283001, г. Донецк

Тел.: +38 (071) 36-707-35

E-mail: redact@donnu.ru

URL: <http://donnu.ru/vestnikE>

Подписано в печать 10.10.2022 г.

Формат 60х84/8. Бумага офсетная.

Печать – цифровая. Усл.-печ. л. 9,3.

Тираж 100 экз.